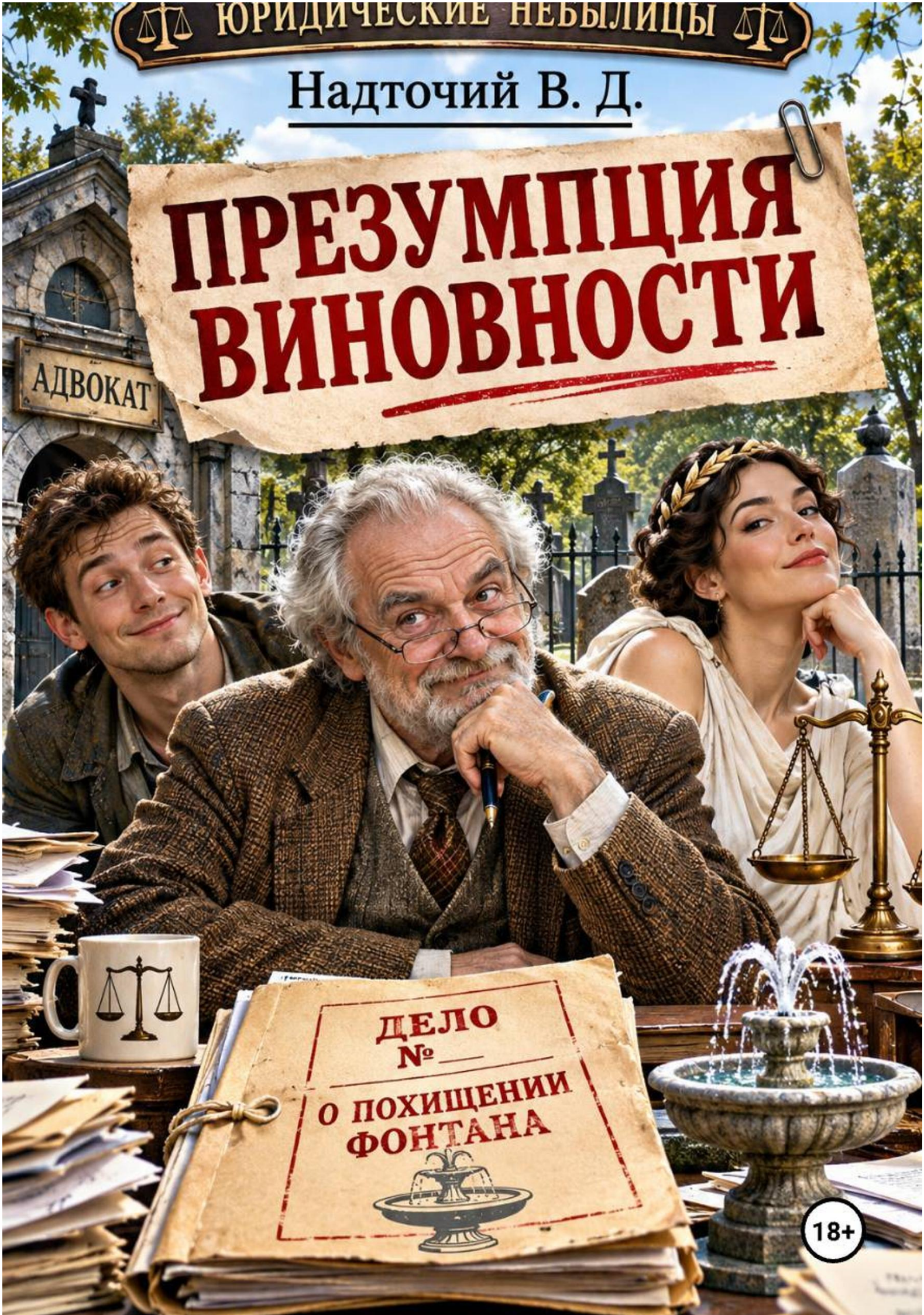
ЮРИДИЧЕСКИЕ НЕБЫЛИЦЫ
Надточий В. Д.
ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ
АДВОКАТ
ДЕЛО №
О ПОХИЩЕНИИ ФОНТАНА
18+

Владислав Надточий

Юридические небылицы. Презумпция виновности

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Юридические небылицы. Презумпция виновности /
В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Оправдательный приговор испортил прекрасную судебную статистику. Не мог же человек оказаться невиновным после сдачи отчёта!Обычного механика обвиняют в похищении городского фонтана. Фонтан на месте, доказательств нет, суд вынес оправдательный приговор. Но бюрократия не привыкла отступать перед такими незначительными обстоятельствами.За дело берётся пожилой адвокат Семён Ильич, чей кабинет расположен на кладбище — там хотя бы никто не жалуется на затягивание сроков. Его помощники — находчивый Егор и сама Презумпция Невиновности, которой, как выясняется, тоже не помешает адвокат.Впереди — чиновники, способные потерять документ, не вынимая его из папки, следователи, у которых ответы появляются раньше вопросов, и судебные баталии с непредсказуемым исходом.Ведь признать человека невиновным — ещё полбеды. Попробуйте теперь убедить в этом государственную систему, которая уже отчиталась о раскрытии преступления!

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава первая. Вина в ассортименте 7
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Владислав Надточий
Юридические небылицы.
Презумпция виновности

Юридические небылицы
Надточий В. Д.
Презумпция виновности

Пролог

В понедельник на стол начальника управления судебной статистики лёг оправдательный приговор. Виктор Сергеевич дочитал его до конца, снял очки и вызвал заместителя.

— Когда вынесен?

— В пятницу.

— А отчёт за октябрь мы когда отправили?

— В четверг.

Виктор Сергеевич с досадой посмотрел на календарь.

— Ну что же они там, в суде… Не могли человека оправдать в следующем месяце?

— Видимо, не нашли оснований держать его под стражей.

— Зато теперь придётся искать основания для исправления отчёта.

Он снова надел очки и с некоторой неприязнью посмотрел на приговор. Человек оказался невиновен в самый неподходящий для управления момент.

Заместитель предложил учесть оправдание в следующем квартале. Виктор Сергеевич возразил: там и без того намечались неприятности с отчётностью. В другом городе по недосмотру задержали двух граждан, и теперь их дела тоже грозили закончиться оправданием.

— Кто судья?

— Бессонова.

— Опять она. А обвиняемый кто?

— Слесарь. Украл, по версии следствия, городской фонтан.

— Целиком?

— По версии следствия — целиком. По версии слесаря — он перекрыл воду на зиму.

Виктор Сергеевич отодвинул приговор. Фонтан он прекрасно помнил: каждое утро проезжал мимо него на работу.

— А сам фонтан где?

— На площади.

— Неужели нельзя было начать с этого?

— Начали. Но к тому времени дело уже возбудили.

В кабинет постучали. Секретарь принесла конверт без обратного адреса. Внутри лежали копии трёх судебных решений и листок с короткой надписью: «Проверьте подписи».

Начальник сравнил документы. На всех трёх стояла его фамилия. Подписи тоже были похожи на его собственную, хотя он не подписывал ни одного из этих решений и вообще не имел на это права.

— Кто ещё это видел?

— Курьер, — ответила секретарь. — И женщина, которая передала конверт.

— Фамилия женщины?

— Представилась Презумпцией Невиновности.

Начальник попросил соединить его с прокуратурой. Пока секретарь набирала номер, он достал из сейфа четвёртый документ. На нём подписи ещё не было.

Глава первая. Вина в ассортименте

Семён Ильич купил на рынке шесть яблок, а до кладбища донёс пять. Шестое съел по дороге — и тем самым лишил Егора возможности принять покупку без недостачи.

— Чек сохранился? — спросил садовник.

— Егор, я принёс тебе яблоки, а не материалы уголовного дела.

— Тогда откуда недостача?

— Естественная убыль.

Егор выбрал самое крупное яблоко и немедленно увеличил естественную убыль ещё на одну единицу.

У калитки остановилась женщина лет сорока. На ней было тёмно-зелёное пальто; в одной руке она держала дорожную сумку, в другой — небольшую коробку, перевязанную бечёвкой.

— Мне нужен юрист.

— Живой? — уточнил Егор.

— Желательно.

— Тогда вам повезло. Сегодня один как раз дежурит.

Семён Ильич пригласил посетительницу в сторожку. Она поставила коробку на стол, но пальто снимать не стала.

— Меня зовут Презумпция Невиновности.

Семён Ильич покосился на чайник. До кипения оставалось минуты три. Потом можно будет предложить гостье чай и выяснить, отчего ей понадобился адвокат на кладбище.

— Здравый Смысл вас прислал?

— Нет. Он советовал мне уехать из города.

— Разумный человек. Я бы за такой совет даже денег не взял.

Женщина достала из сумки уведомление о вызове на допрос. Семён Ильич прочитал его, затем перечитал ещё раз.

— Здесь сказано, что вас вызывают, чтобы установить вашу причастность к отсутствию доказательств. Это они сами сформулировали или у них теперь такие курсы повышения квалификации?

— Вчера меня допрашивали по делу слесаря. Сегодня собираются допрашивать уже по моему собственному делу.

— Слесарь вам родственник?

— Нет. Я вообще стараюсь не обзаводиться родственниками среди обвиняемых. Их и без того слишком много.

Она развязала коробку. Внутри лежали лист копировальной бумаги, три конверта и металлический нумератор с колёсиками.

— Всё это мне передал сотрудник судебной канцелярии. Он попросил сохранить до пятницы.

— А сегодня у нас какой день?

— Вторник.

— Значит, до пятницы ещё нужно дожить. Что в конвертах?

— Не знаю. Он просил не вскрывать их без него.

Семён Ильич записал со слов посетительницы, когда и при каких обстоятельствах ей передали коробку. Егор принёс чай, заметил нумератор и уже протянул к нему руку.

— Не трогай, — остановил его Семён Ильич.

— Я только хотел посмотреть, какой номер будет следующим.

Женщина побледнела.

— Именно это он и просил выяснить.

На колёсиках нумератора стояло число 0836. Семён Ильич переписал его в блокнот, не прикасаясь к прибору.

За окном резко затормозила машина. Егор выглянул из сторожки.

— К нам двое. У одного портфель, у второго лицо человека, у которого портфель уже успели украсть.

Женщина застегнула пальто.

— Быстро они меня нашли.

— Пока допейте чай, — сказал Семён Ильич. — Если у них есть постановление, чай в нём всё равно не указан.

Первым в сторожку вошёл Круглов. За время, прошедшее с их последней встречи, прокурор обзавёлся усами. Семён Ильич подозревал, что это было единственное доступное ему средство выглядеть старше собственных подчинённых.

— Добрый день. Мы за гражданкой Невиновностью.

— У нас тут гражданка Презумпция Невиновности. Если вам нужна просто невиновность, придётся поискать в другом месте.

Круглов представил спутника. Следователь Бурмистров оказался человеком обстоятельным: прежде чем сесть, проверил, не шатается ли стул, и лишь затем предъявил постановление о приводе.

— Она уклоняется от явки.

Семён Ильич подал ему уведомление.

— Допрос назначен на завтра, на десять утра. Каким образом она уже успела уклониться?

Бурмистров посмотрел на дату и достал телефон.

— Мне поручили обеспечить её явку заранее.

— На целые сутки? У вас там зал ожидания с ночлегом?

Следователь вышел звонить начальнику. Круглов остался у двери. Он заметил коробку на столе, но Семён Ильич успел накрыть её газетой.

— Вы опять намерены участвовать в процессе?

— Пока намерен пообедать. Процесс у меня обычно начинается после супа.

— Дело серьёзное. Из судебной канцелярии пропало оборудование.

— Какое?

— Устанавливаем.

— А стоимость?

— Устанавливаем.

— Хоть исчезновение установили?

Круглов помолчал.

— Об этом подано заявление.

Бурмистров вернулся и сообщил, что привод отменяется. Вместо него он предложил добровольно проехать в управление.

— Завтра в десять, — ответила женщина.

Следователь записал её ответ в блокнот. На улице хлопнули дверцы машины. Егор дождался, пока мотор стихнет, и принёс из сарая жестяную банку.

— Давайте сюда ваше сокровище. У меня в этой банке гайки лежат. Их ещё ни разу не изымали.

— Ничего прятать не будем, — возразил Семён Ильич. — Составим опись, сфотографируем содержимое и выясним, кому оно принадлежит.

Он попросил посетительницу назвать сотрудника канцелярии.

— Павел Романович Тихонов. Он ведёт журнал выдачи копий судебных актов.

— Телефон?

Женщина продиктовала номер. Тихонов не ответил ни на первый, ни на второй звонок. На третий ответила незнакомая девушка.

— Павел Романович сегодня на работе отсутствует.

— Заболел?

— Уволился.

— Когда?

— Приказ ещё готовится.

Семён Ильич попросил соединить его с начальником канцелярии. Девушка сообщила, что тот занят оформлением увольнения, и отключилась.

Егор тем временем нашёл в городском справочнике адрес Тихонова. Тот жил возле трамвайного депо. До обеда оставалось достаточно времени, чтобы попытаться поговорить с ним лично.

У подъезда Семён Ильич столкнулся с дворником. Тот соскребал с асфальта размокшее объявление о субботнике.

— Тихонов из шестой квартиры дома?

— С утра не видел. Жена его на работе. А вы из банка?

— Из адвокатуры.

— А, тогда погодите. Вчера из банка приходили. С теми он, кажется, уже наговорился.

Дверь никто не открыл. Под ней лежала квитанция за электричество. Семён Ильич оставил визитку соседке и спустился во двор.

По дороге обратно он заглянул в суд. За столом Тихонова сидела женщина с короткой стрижкой и красными бусами.

— Мне нужна заверенная копия оправдательного приговора по делу о фонтане.

— Вы участник процесса?

— Нет. Хочу узнать порядок получения.

— Порядок получения копий установлен для участников процесса.

— Стало быть, прежде чем просить копию, мне надо попасть под суд?

— Это не к нам, — отрезала сотрудница и снова уткнулась в бумаги.

— Фонтан ещё на площади?

Женщина удивлённо подняла глаза.

— Конечно.

— Тогда обойдусь без копии. Не хотелось бы начинать с фонтана.

У соседнего окна пожилой мужчина спорил с секретарём, протягивая ей справку об отсутствии судимости.

— Вот справка. Здесь чёрным по белому написано, что судимости у меня нет. А в отделе кадров говорят, что я осуждён.

— Значит, вам необходимо представить документ об отмене обвинительного приговора.

— Но меня оправдали! Обвинительного приговора вообще не было!

— Тогда принесите справку об этом.

— Так я вам её и принёс!

Секретарь ещё раз посмотрела на справку.

— Нет, это справка об отсутствии судимости. А вам нужна справка об отсутствии обвинительного приговора.

— А из тюрьмы справку не надо? Что я у них не числился?

Секретарь задумалась.

— Если там согласятся выдать, приложите и её.

Семён Ильич присмотрелся. Перед ним стоял тот самый слесарь, которого оправдала Бессонова, — Фёдор Матвеевич Кочетов. Он собирался вернуться на работу в городское хозяй-

ство, но кадровик обнаружил в электронной базе запись о вступившем в силу обвинительном приговоре.

— А бумажный приговор у вас есть?

Кочетов вынул из пакета сложенные листы. Семён Ильич проверил последнюю страницу. Оправдание было полным, с признанием права на возмещение вреда.

— Покажите, что вам выдали в отделе кадров.

Слесарь протянул распечатку. В ней утверждалось, что он осуждён к двум годам лишения свободы условно. Номер дела совпадал с номером оправдательного приговора.

Внизу стоял регистрационный номер 0835.

Семён Ильич попросил разрешения сфотографировать оба документа, не забирая оригиналы.

— Вы мне только скажите, — попросил Кочетов, — я теперь могу фонтан включать или за возвращение похищенного мне ещё срок добавят?

— Пока ничего не включайте. Особенно компьютер в отделе кадров.

Он договорился встретиться со слесарем вечером. Выйдя из суда, Семён Ильич позвонил Егору.

— Посмотри на коробку. Не открывай, просто проверь, на месте ли она.

— На месте. А что?

— Кажется, мы нашли номер, который шёл перед тем, что лежит в коробке.

— А следующий чей?

Семён Ильич посмотрел на повестку Презумпции Невиновности. В верхнем углу стояла завтрашняя дата.

— Вот это, Егор, я и хотел бы выяснить до завтрашнего утра.

Вечером Кочетов пришёл на кладбище в рабочей куртке. Из кармана торчал разводной ключ.

— Не пугайтесь, — сказал он, заметив взгляд Егора. — Это мой личный. Казённый у меня забрали при увольнении.

— А за что уволили?

— За утрату доверия. Двадцать восемь лет обслуживал водопровод. До пятницы никаких жалоб от водопровода не поступало.

Семён Ильич усадил слесаря за стол и попросил рассказать, как тот получил копию приговора.

— Павел Романович выдал. Даже поздравил. А потом догнал меня на лестнице и попросил никому не отдавать последний лист.

— Почему именно последний?

— Сказал, что первые семь при желании можно напечатать заново.

На последнем листе стояли подпись судьи и печать. Семён Ильич поднёс бумагу к настольной лампе и заметил у нижнего края крошечную надпись с датой изготовления бланка.

— Фёдор Матвеевич, вы когда в отдел кадров ходили?

— В пятницу. Мне ещё предложили письменно объяснить, почему я скрыл судимость, когда устраивался на работу.

— И что написали?

— Написал, что на момент трудоустройства мне было двадцать три года, а приговор, судя по их сведениям, вынесен на прошлой неделе.

Презумпция Невиновности принесла из кухни чай. Кочетов встал, чтобы поздороваться, и едва не опрокинул табурет.

— Вот вы-то мне и нужны! Начальник сказал, что меня оправдали с вашим участием, но по формальным основаниям.

— Вас оправдали потому, что вы не совершали преступления.

— Я ему ровно это и сказал. А он ответил: «Формальность» — и отвернулся.

Семён Ильич подготовил заявление о выдаче сведений из судебной информационной системы. Кочетов подписал его и внимательно проверил, правильно ли указана фамилия.

— Теперь каждую бумагу проверяю. Раньше я так только трубы проверял.

Когда слесарь ушёл, зазвонил телефон. Звонившая представилась супругой Тихонова.

— Соседка передала мне вашу визитку. Вы сможете приехать? Только не домой. Я сейчас в булочной возле депо.

В булочной Семёну Ильичу пришлось купить два пирожка, чтобы занять столик. Супруга Тихонова пришла с пакетом продуктов и первым делом попросила не звонить мужу.

— Он у сестры. Телефон оставил дома. Вчера ему предложили подписать заявление об увольнении по собственному желанию.

— Подписал?

— Нет. Сказал, что желание пока не его.

Она достала из кошелька сложенную квитанцию. На обороте муж записал адрес типографии и фамилию мастера.

— Павел сказал: если его не будет на работе, передайте это адвокату. Я решила, что он шутит. Он даже отпуск за полгода согласовывает.

— А в типографии что печатают?

— Не знаю. В субботу ездил туда, вернулся голодный. Хотя я положила ему с собой котлеты.

Семён Ильич переписал адрес. Типография «Городской стандарт» располагалась в бывшем здании фабрики игрушек.

— Вы мужу передайте, что я хотел бы с ним поговорить. Пусть сам выберет место.

— А его не посадят?

— За это не сажают. А вот заявление пусть пока не подписывает.

На улице зажглись фонари. Ехать в типографию ночью Семён Ильич не стал. Вместо этого он позвонил Бессоновой и попросил принять его по вопросу выдачи копии судебного акта.

— Завтра после заседания, — ответила судья. — И приходите через канцелярию. Сегодня мне уже пытались подать на подпись решение по делу, которого я не рассматривала.

— Под каким номером?

— Не запомнила. Вернула секретарю. А что?

— Ничего. Завтра объясню.

Утром Егор обнаружил, что на кладбищенскую сторожку пришло электронное уведомление о задолженности за вывоз мусора. В качестве должника значился человек, похороненный в июне.

— Семён Ильич, у нас опять наследственное дело?

— Нет, Егор. Это коммунальщики освоили вечное взыскание.

Сторож убрал телефон в карман и отправился вместе с подзащитной в управление. У входа Бурмистров встретил их лично. Он выглядел невыспавшимся и держал в руках два бланка протокола.

— Почему два? — спросил Семён Ильич.

— Один для свидетеля, другой для подозреваемой. Начальник ещё не определился.

— Тогда возьмите третий. Для потерпевшей. Вдруг начальник сегодня выспался.

Бурмистров не стал спорить. Он провёл их в кабинет и попросил секретаря принести материалы.

На стол легла папка. Из неё выскользнул лист с перечнем вещественных доказательств. Семён Ильич успел прочитать первую строку: металлический нумератор, регистрационный номер 0836.

В графе о месте обнаружения уже стоял адрес кладбища.

— Когда составляли этот перечень? — спросил он.

Следователь поднял лист и посмотрел на дату.

— Вчера утром.

— До вашего приезда ко мне?

Бурмистров медленно закрыл папку. Впервые за всё время знакомства он не потянулся за телефоном.

— Это не мой перечень, — наконец произнёс Бурмистров.

— А папка ваша?

— Папка казённая.

— Хорошо, что хоть с собственностью определились.

Следователь вынул лист и положил его отдельно. В кабинет заглянула секретарь с журналом исходящей корреспонденции.

— Вас начальник спрашивает. Нумератор нашли?

Бурмистров посмотрел на посетителей.

— Передайте, что выясняю происхождение сведений о находке.

— Так нашли или нет? Мне для отчёта.

— Пишите, что выясняю.

— У меня там две клеточки: да и нет.

— Нарисуйте третью.

Секретарь ушла с видом человека, которому поручили внести изменения в конституцию.

Семён Ильич спросил, вынесено ли постановление о производстве обыска. Бурмистров ответил, что такого постановления пока нет.

— А изъятие уже состоялось?

— Нет.

— Тогда приобщите этот лист к протоколу. С указанием времени его предъявления.

Следователь достал чистую бумагу. Презумпция Невиновности придвинула к себе стул.

— Так в каком качестве меня вызвали?

— Пока свидетель.

— Чего?

Бурмистров перечитал повестку. В ней действительно не было указано, по каким обстоятельствам её вызывают.

— Вы знакомы с Павлом Романовичем Тихоновым?

— Да.

— Он передавал вам какие-либо предметы?

— На этот вопрос мы ответим после того, как вы разъясните, по какому делу ведётся допрос, — вмешался Семён Ильич.

Следователь пояснил, что расследуется незаконное изготовление судебных документов. Потерпевшим признали управление судебного обеспечения.

— А людей, которым приписали судимость?

— От них пока нет заявлений.

Семён Ильич вынул подписанное Кочетовым заявление.

— Теперь есть. Зарегистрируйте, пожалуйста.

Бурмистров прочитал его дважды. Затем спросил, где находится слесарь.

— Дома. Если ещё не уволили и из квартиры.

На этот раз следователь не улыбнулся. Он записал телефон Кочетова и попросил секретаря принять заявление. Та вернулась с вопросом, в какой раздел журнала его внести.

— В сообщения о преступлениях.

— Но там потерпевший уже указан.

— Будет ещё один.

— Программа не предусматривает.

— Тогда на бумаге.

— А бумагу куда внести?

Семён Ильич снял очки и протёр их платком. За сорок лет практики он научился отличать сложные юридические вопросы от тех, которые лучше переждать.

После допроса Бурмистров проводил их до лестницы. Там, вдали от секретарского стола, он тихо попросил не оставлять коробку без присмотра.

— Вы знаете, что в ней? — спросил адвокат.

— Я знаю, что мне велели в ней найти.

На улице Презумпция Невиновности предложила вернуться на кладбище. До приёма у судьи оставалось полтора часа, и Семён Ильич решил сначала навестить типографию.

В бывшей фабрике игрушек сохранилась мозаика с изображением деревянного коня. Теперь под конём висела вывеска «Городской стандарт». В проходной продавали календари, бланки доверенностей и поздравительные адреса к юбилеям учреждений.

— Мне бы мастера, — сказал Семён Ильич, назвав фамилию с квитанции.

Продавщица указала на дверь цеха.

— Григорий Степанович! К вам заказчик!

Из цеха вышел мужчина в синем фартуке. На пальцах у него остались пятна краски.

— Что печатаем?

— Пока ничего. Я по поводу судебных бланков.

— Тогда к бухгалтеру. Я печатаю, а она знает, почему дорого.

Семён Ильич показал фотографию последнего листа приговора Кочетова. Мастер увеличил изображение и подозвал молодого рабочего.

— Коля, это наша старая машина?

Рабочий прищурился.

— Наша. Видите точку возле рамки? Там царапина на форме. Мы её в августе заменили.

— А этот бланк, судя по дате, изготовлен в октябре, — заметил адвокат.

— Дату ставит заказчик. Мы за календарь не отвечаем.

Мастер вернул телефон. Семён Ильич попросил показать журнал заказов за лето.

— По письменному запросу. У нас недавно проверка была, теперь даже туалетную бумагу со склада получаем по накладной.

— И кто подписывает?

— Заведующий складом. Он на обеде.

— Сочувствую коллективу.

Григорий Степанович всё же согласился принять адвокатский запрос. Пока продавщица искала штамп, из цеха вынесли пачку свежих листов. Верхний был озаглавлен: «Уведомление о восстановлении прав гражданина».

— Много таких заказали? — спросила Презумпция Невиновности.

— Три тысячи. Вчера вечером привезли макет.

— А чьи права восстанавливают?

Мастер пожал плечами.

— Фамилии потом впечатывают. У нас производство серийное.

Семён Ильич ещё раз посмотрел на пачку. Заказчик, похоже, заранее знал, сколько людей придётся возвращать из чужих ошибок в обычную жизнь. Адвокат попросил включить сведения об этом заказе в запрос.

На обратном пути позвонил Егор.

— Тут человек приехал, говорит, хочет купить участок.

— Пусть обращается в контору.

— Он хочет купить участок под сторожкой. Говорит, заплатит наличными.

— Фамилию спроси.

— Уже спросил. Говорит, покупатель пожелал остаться неизвестным.

— Тогда пусть сначала назовёт, что именно собирается покупать.

Семён Ильич попросил Егора записать номер машины, если это можно сделать незаметно, и не вступать в переговоры. Затем набрал Бурмистрова. Следователь выслушал его и неожиданно предложил встретиться вечером вне управления.

— Только не на кладбище, — добавил он.

— Почему?

— Потому что туда сегодня собирается мой начальник.

— С постановлением?

— С комиссией.

Семён Ильич предупредил канцелярию, что не сможет приехать к назначенному времени, и вызвал такси.

— К главному входу. У нас, кажется, сегодня день открытых дверей.

У ворот стояла машина управления с включённым двигателем. Егор беседовал с женщиной в белом пальто, которая пыталась измерить ширину дорожки портновским сантиметром.

— Семён Ильич, знакомьтесь. Это у нас специалист по оценке перспективного использования территории.

— А неперспективную часть уже списали?

Женщина убрала сантиметр в сумку и представилась Лидией Матвеевной. Её интересовала возможность размещения на территории кладбища нового муниципального объекта.

— Какого?

— Центра восстановления гражданских прав.

— Здесь обычно восстанавливают ограды. С правами сложнее: наследники не всегда приезжают.

Лидия Матвеевна показала схему. Центр предполагалось построить на месте сторожки, а подъезд к нему провести вдоль старой кирпичной стены. Семён Ильич заметил, что схема датирована июнем.

— Значит, ещё летом вы предполагали, что права граждан придётся восстанавливать массово?

— Проект подготовлен с учётом прогнозируемой потребности.

— Кто прогнозировал?

— Это не мой раздел.

Он попросил разрешения сфотографировать схему. Женщина согласилась, но прикрыла ладонью таблицу с расчётами. Егор, стоявший с другой стороны, успел прочесть последнюю строку.

— Семён Ильич, тут на одного восстановленного гражданина больше денег, чем на мои похороны.

— Егор, не торгуйся. Пока ты жив, городу дешевле обходится твоя зарплата.

Из машины вышел начальник Бурмистрова. Он не стал представляться и сразу потребовал показать помещение, в котором проживает Презумпция Невиновности.

— На каком основании? — спросил Семён Ильич.

— Проводится обследование территории.

— Обследуйте территорию. Но сторожка — жилое помещение, и для входа туда нужны отдельные основания.

Начальник достал распоряжение. Семён Ильич внимательно прочитал его и вернул.

— Здесь указано обследование состояния инженерных коммуникаций. Вы сантехник?

— Я полковник.

— Тогда особенно прошу не проверять кран на кухне. Он течёт, но пока никому не предъявил обвинение.

Презумпция Невиновности вышла на крыльцо с чайником. Полковник посмотрел на неё, затем на окна сторожки.

— Вы ещё пожалеете, что вмешались в это дело.

— Уточните, пожалуйста, кому адресовано предупреждение, — попросил Семён Ильич. — Нас трое, а протокол у вас один.

Полковник ушёл к машине. Лидия Матвеевна осталась и, дождавшись, пока он захлопнет дверцу, вынула из сумки визитную карточку.

— Если будете запрашивать проект, указывайте первоначальную редакцию. Иначе вам пришлют вчерашнюю.

— А чем они отличаются?

— В первоначальной был заказчик.

Она поспешила за коллегами.

Егор дождался, когда машина исчезнет за поворотом, и принёс из сарая конверт. Его оставил покупатель участка. Внутри лежала не пачка денег, а предварительный договор с незаполненной строкой о цене.

Семён Ильич прочитал пункт о передаче имущества. Вместе со сторожкой покупателю надлежало передать все находящиеся в ней документы, включая документы третьих лиц.

— Егор, он видел нашу коробку?

— Нет. Но спросил, не завелись ли у нас мыши. Предлагал бесплатно провести обработку.

Адвокат сложил договор и убрал его в папку. Теперь он знал, что покупателю требовалась вовсе не земля.

Вечером Бурмистров назначил встречу в маленькой пельменной возле трамвайного депо. Следователь пришёл без портфеля и заказал две порции.

— У вас есть пять минут, — сказал он. — Потом мне надо забрать дочь с музыки.

— Говорите. Я не выставляю счёт за время, пока человек жуёт.

Бурмистров достал из кармана сложенную вчетверо распечатку. Это была ведомость оплаты услуг по сопровождению граждан, ошибочно внесённых в реестр осуждённых. В первой строке значился Кочетов.

— Он уже получил компенсацию? — спросил адвокат.

— Согласно ведомости, получил в сентябре.

— А приговор ему выписали в октябре.

— Именно.

Семён Ильич отодвинул тарелку. До этого он считал, что поддельные приговоры нужны, чтобы избавляться от неудобных людей. Ведомость показывала другое: кто-то успел заработать на чужом оправдании ещё до того, как человеку предъявили обвинение.

— Где оригинал ведомости?

— В финансовом управлении. Завтра его должны передать на уничтожение вместе с черновыми расчётами.

— По какой причине?

— Обычная причина: закончился отчётный период.

Бурмистров расплатился и поднялся.

— Я вам ничего не передавал.

— Конечно. Мы говорили исключительно о пельменях.

— И как вам?

— Пельмени хотя бы не скрывают начинку под грифом «для служебного пользования».

Следователь впервые за весь день рассмеялся. Уже у двери он обернулся.

— Посмотрите, кто расписался за Кочетова.

Семён Ильич развернул лист. Подпись получателя была неразборчива, зато рядом стоял номер доверенности. Он достал телефон и позвонил Егору.

— Ты завтра рано встаёшь?

— Как всегда. А что?

— Придётся разыскать нотариуса.

— Живого?

— Желательно. Хотя в наших материалах это уже не главное условие.

Нотариальная контора помещалась над магазином свадебных платьев. Пока Семён Ильич поднимался по лестнице, Егор изучал вывеску.

— Внизу заключают браки, наверху удостоверяют полномочия делить нажитое.

Нотариус, невысокий мужчина с аккуратно подстриженными усами, принял их в половине девятого. На столе стояла фотография рыжей таксы в галстуке.

— Доверенность Кочетова? Посторонним я не могу сообщать сведения о нотариальных действиях.

— А если доверитель сам не знает, что совершил это действие?

— Тогда пусть приходит и выясняет.

Семён Ильич позвонил Кочетову. Тот ответил с третьего раза и сообщил, что находится в подвале жилого дома, где меняет задвижку.

— Могу приехать после обеда. Только скажите, меня опять посадили или уже выпустили?

— Пока выясняем, кто получил за вас деньги.

— Деньги? Тогда я сейчас перекрою весь дом.

Через сорок минут Кочетов появился в конторе с разводным ключом в кармане. Нотариус попросил его предъявить удостоверение личности, после чего открыл реестр.

— Доверенность с таким номером действительно имеется. Но выдана она не вами.

— А кем? — спросил Кочетов.

— Чужих данных я вам сообщить не вправе. Но от вашего имени доверенность не выдавалась.

Егор заглянул в распечатку ведомости.

— Значит, номер взяли с потолка?

Кочетов не улыбнулся. Сумма в ведомости равнялась почти его годовому заработку.

Нотариус подготовил письменный ответ на заявление Кочетова и предложил ему расписаться в получении. Слесарь взял ручку, но прежде внимательно прочёл весь лист.

— Раньше я ставил подпись, не читая. Теперь даже мелкий шрифт изучаю.

На улице Семён Ильич попросил Егора отвезти Кочетова домой, а сам направился в финансовое управление. Если Бурмистров не ошибся, до уничтожения ведомостей оставалось несколько часов.

В приёмной управления пахло свежей краской. На стене висел плакат с изображением раскрытой ладони и надписью: «Каждая бюджетная копейка под контролем».

Под плакатом стояла урна, в которую посетители бросали использованные бахилы.

Секретарь выслушала адвоката и протянула ему бланк.

— Укажите цель посещения.

— Предотвращение уничтожения документов.

— Такой цели у нас в перечне нет.

— А уничтожение есть?

— Есть хозяйственные вопросы.

— Запишите хозяйственные вопросы. Будем спасать макулатуру.

Начальник отдела бюджетных расчётов, Галина Борисовна, встретила его в кабинете, заставленном коробками. На каждой был наклеен лист с указанием срока хранения.

Семён Ильич предъявил удостоверение и передал письменное заявление с просьбой сохранить документы, которые могли иметь значение для уголовного дела.

— Вы опоздали, — сказала Галина Борисовна. — Машина за бумагами уже приходила.

— Когда?

— Вчера вечером.

— А акт передачи?

Она вынула из папки один лист. В графе о количестве переданных документов стояло «согласно приложению». Приложения не было.

— Кто принимал коробки?

— Подрядчик. Я его впервые видела.

— Вы передали финансовые документы человеку, которого прежде не видели?

— У него была накладная.

— Если я принесу накладную на ваш сейф, вы его тоже выдадите?

Галина Борисовна посмотрела на сейф.

— С сейфом так не получится. Он на балансе.

Адвокат попросил копию акта. Она отказала, сославшись на отсутствие начальника управления. Тогда он зарегистрировал заявление в канцелярии и вышел во двор.

Возле служебного входа курил грузчик. Семён Ильич спросил, не видел ли тот вчера машину с бумагами.

— Видел. Белая машина с зелёной полосой. Коробки грузили торопливо: одну уронили, бумаги разлетелись. Дворничиха потом весь двор собирала.

— Где она сейчас?

— За углом. Там у неё метла и, кажется, часть вашей государственной тайны.

Дворничиху звали Зинаида Фёдоровна. Она призналась, что собрала рассыпавшиеся листы и сложила их в подсобке. Выбрасывать не стала: на обороте можно было записывать показания счётчиков.

— Бумагу третий месяц не выдают. А тут целая пачка, ещё и с печатями. На обороте можно счётчики записывать.

Семён Ильич попросил показать находку. Среди таблиц и служебных записок обнаружился лист с перечнем получателей компенсаций. Фамилии совпадали с ведомостью Бурмистрова, но вместо подписей граждан стояли номера платёжных поручений.

Зинаида Фёдоровна наблюдала, как адвокат фотографирует листы.

— Это что, важное?

— Возможно, очень.

— Тогда прошу расписку. За метлу я отвечаю, а за эти бумаги, выходит, никто?

Семён Ильич составил опись найденных бумаг, попросил её сохранить их до прибытия следователя и позвонил Бурмистрову.

— У нас свидетель и документы. Нужен официальный осмотр.

— Где вы?

— В подсобке финансового управления.

— Что вы там делаете?

— Пытаюсь познакомиться с единственным человеком здесь, который не отправляет в утиль ни деньги, ни документы.

Бурмистров обещал приехать с коллегой. Пока они ждали, Зинаида Фёдоровна достала из шкафа ещё один лист.

— Этот тоже ихний. Только я на нём записала, сколько картошки купить.

На обороте списка покупок оказался проект письма о перечислении средств за услуги представителя. Семён Ильич прочитал название организации и вспомнил договор на покупку кладбищенского участка. В обоих документах значился один и тот же адрес.

Он попросил Зинаиду Фёдоровну оставить лист как есть: её запись помогала установить, когда бумага попала к ней.

— Так и знала, что картошка меня до суда доведёт. Муж просил записать пять килограммов, а я десять написала. Теперь это, выходит, улика.

Когда Бурмистров приехал, адвокат передал ему фотографии и указал на оригиналы. Следователь начал оформлять осмотр, а Семён Ильич отошёл к окну.

На стоянке у ворот появилась белая машина с зелёной полосой. Водитель не вышел. Он посмотрел на служебный вход, поговорил по телефону и медленно выехал обратно на улицу.

Семён Ильич успел записать номер.

Теперь оставалось установить, кому принадлежала машина и куда увезли остальные коробки.

Бурмистров закончил опись и попросил Зинаиду Фёдоровну расписаться на каждом листе протокола.

— А картошку вы мне вернёте? — спросила она.

— Картошку?

— Список. Я теперь не помню, чего ещё купить надо.

Следователь снял копию с оборотной стороны письма. Зинаида Фёдоровна сложила её в карман халата и впервые за двадцать лет службы ушла с работы с документом, выданным ей бесплатно.

Семён Ильич показал Бурмистрову записанный номер машины. Тот отправил запрос дежурному и предложил подождать ответа в автомобиле.

— Только не в моём, — предупредил адвокат. — У меня проездной.

Машина оказалась зарегистрирована на муниципальное предприятие по обслуживанию городских учреждений. Диспетчер сообщил по телефону, что в путевом листе на вчерашний день значилась доставка мебели в районную библиотеку.

— Вот и библиотека, — сказал Семён Ильич. — Люди выбрасывают книги, а им привозят финансовую отчётность. Будет что почитать.

Бурмистров уточнил у диспетчера фамилию водителя и попросил сохранить путевой лист.

— Водитель сегодня в отпуске, — сообщил он, убирая телефон.

— А машина?

— По документам в ремонте.

— Хорошее предприятие. Даже в отпуске люди работают, а техника ездит, не выходя из ремонта.

Бурмистров записал сведения в блокнот. Он собирался официально проверить маршрут автомобиля и личность водителя. Адвокат же решил заняться адресом, указанным в двух найденных документах.

Егор ждал его возле кладбищенской конторы. На столе лежал свежий номер городской газеты. Рядом остывали два пирожка.

— Вам какой? С капустой или неизвестного происхождения?

— С капустой.

— Тогда берите левый. Правый я уже исследовал, но выводов делать не берусь.

Презумпция Невиновности сидела у окна с газетой. На второй полосе была опубликована заметка о предстоящем процессе. Автор сообщал, что обвиняемая намерена воспользоваться отсутствием у следствия достаточных доказательств.

— Какое нахальство с вашей стороны, — заметил Семён Ильич.

— Особенно мне понравилось последнее предложение. Они пишут, что моё освобождение вызовет недоверие к результатам предварительного расследования.

— А ваше осуждение вызовет доверие к результатам предварительного расследования у тех, кто его проводил.

Егор перевернул газету.

— Здесь ещё объявление. Требуется специалист по работе с общественным мнением. Опыт самостоятельного мышления не обязателен.

Семён Ильич забрал газету. Название организации показалось ему знакомым. Он открыл фотографию письма, найденного дворничихой, и сравнил адреса.

Совпадали улица, дом и даже номер помещения.

На следующий день адвокат и Егор отправились туда. В старом торговом здании первый этаж занимала мастерская по ремонту обуви. На втором располагался учебный центр. Табличка возле лестницы обещала подготовку специалистов по урегулированию правовых рисков.

За стойкой регистрации сидела девушка с учебником бухгалтерского учёта. Егор представился человеком, желающим повысить квалификацию.

— Какое у вас образование?

— Среднее. Зато контингент у нас в основном с высшим.

Девушка посмотрела на него с уважением.

— Вы в кадровой службе работаете?

— Почти. На кладбище.

Она предложила заполнить анкету. Семён Ильич тем временем изучал расписание занятий. Среди обычных курсов обнаружился семинар «Практика восстановления нарушенных прав граждан». Стоимость участия была указана отдельно, а напротив строки о преподавателе стояла фамилия Круглова.

Адвокат попросил программу семинара.

— Он уже прошёл, — ответила девушка.

— Мне для общего развития.

Она протянула ему буклет. На последней странице красовалась фотография прокурора, вручавшего сертификат мужчине в очках. Под снимком было указано имя руководителя центра: Виктор Андреевич Мельников.

Семён Ильич запомнил лицо. Мужчина в очках приходил на кладбище выбирать участок.

— А руководитель сегодня принимает?

— У него выездное мероприятие.

— Где?

— С утра ещё не знал. Просил говорить, что на выезде.

Из соседнего кабинета вышла пожилая женщина с папкой. Она остановилась у стойки и спросила, когда ей вернут деньги за обучение.

— Вы подписали акт оказанных услуг, — напомнила девушка.

— Так я же ни одного занятия не посетила!

— В акте написано, что претензий нет.

— Я думала, это заявление на возврат денег.

Семён Ильич представился адвокатом и предложил женщине показать документы, если она не возражает. В папке лежали договор, квитанция и акт. Последний был датирован днём, предшествовавшим заключению договора.

— Вот это я понимаю, образование! — восхитился Егор. — Ещё не поступили, а уже окончили.

Женщина представилась Лидией Матвеевной. На курс её записал сын, пытавшийся добиться исключения своей фамилии из реестра осуждённых. Центр обещал помочь с оформлением заявления о компенсации, но вместо этого предложил матери платное обучение.

— Сын теперь боится даже на почту ходить, — призналась она. — Вдруг опять письмо придёт.

Семён Ильич записал её телефон и попросил сохранить оригиналы документов. Девушка за стойкой уже разговаривала с кем-то по внутреннему телефону.

— Нет, не проверка. Двое посетителей. Один адвокат, другой с кладбища. Нет, не за вами.

Егор вежливо помахал ей рукой.

Они вышли на улицу. Семён Ильич передал Бурмистрову сведения о центре и попросил проверить, получал ли он бюджетные средства за представительство граждан.

У Егора зазвонил телефон. Звонил Кочетов.

— Семён Ильич рядом? Тут ко мне человек приходил. Сказал, что может снять судимость за небольшую плату.

— И сколько просит?

— Половину компенсации. Я ему объяснил, что компенсации не получал. Он говорит, это не препятствие, можно оформить кредит.

Семён Ильич взял трубку.

— Он оставил визитку?

— Оставил. Только я его ещё кое о чём спросил. Если меня осудили без моего участия, нельзя ли и кредит без моего участия погасить? Обиделся и ушёл.

Адвокат попросил Кочетова ничего не подписывать и сохранить визитку. Похоже, на ошибочных приговорах зарабатывали дважды: сначала получали деньги из бюджета, потом брали плату с самих пострадавших.

Вечером он разложил на столе копии документов. Презумпция Невиновности принесла лампу и села напротив.

— Вы думаете, меня арестовали из-за денег?

— Пока не знаю. Вот выясним, кто на этих приговорах зарабатывает, тогда, может быть, поймём, чем вы им помешали.

Егор принёс чай и положил рядом с бумагами учебный буклет.

— Я всё-таки записался на бесплатное пробное занятие. Завтра в десять.

Семён Ильич поднял голову.

— На какое?

— «Как избежать ответственности при принятии управленческих решений».

— Егор, у тебя на кладбище и так никто не жалуется.

— Вот и проверим, чему они меня ещё могут научить.

На пробное занятие Егор явился в пиджаке Семёна Ильича. Рукава пришлось подвернуть, зато во внутреннем кармане обнаружилась квитанция за ремонт часов, которую адвокат искал с весны.

В аудитории собралось одиннадцать человек. Преподаватель, невысокий мужчина с красным галстуком, попросил слушателей назвать должность и главную профессиональную трудность.

— Заместитель начальника отдела, — представился первый. — Начальник в отпуске, заставляют подписывать документы.

— Заведующая складом. У меня недостача, а у директора юбилей. Не знаю, с чего начинать.

— С юбилея, — посоветовал преподаватель. — Недостача подождёт.

Когда очередь дошла до Егора, тот сообщил, что занимается благоустройством территории и хотел бы научиться распределять ответственность.

— Сколько у вас подчинённых?

— Ни одного.

— Ни одного? — огорчился преподаватель. — Тогда остаются начальство и обстоятельства непреодолимой силы.

На столах лежали учебные папки. В первой задаче требовалось определить виновного в затоплении муниципального подвала. К задаче прилагались объяснения сантехника, смета на замену труб и акт о выполнении работ.

Егор прочитал бумаги и поднял руку.

— Тут трубы не меняли. На фотографии старые.

— Вы отвлекаетесь от задания. Нам необходимо определить ответственного за последствия.

— Так пусть тот, кто деньги получил, и отвечает.

Преподаватель снял очки.

— Вы предлагаете поссориться с подрядчиком. А нельзя ли обойтись без дополнительных расходов?

Сосед Егора предложил обвинить жильцов, которые несвоевременно сообщили о протечке. Преподаватель поставил ему плюс.

— А если жильцы сообщили вовремя? — спросил Егор.

— Тогда необходимо установить, кому именно.

— Сантехнику.

— Прекрасно. Следующая задача.

Во второй задаче Егор с удивлением обнаружил почти точное описание истории Кочетова. Требовалось уладить претензии гражданина, ошибочно внесённого в реестр осуждённых, с минимальными издержками для организации.

Егор перевернул лист. Внизу мелким шрифтом был напечатан номер приложения к договору. Он достал телефон, но преподаватель заметил движение.

— Фотографировать материалы запрещено.

— Я время смотрю. У нас на кладбище обед по расписанию.

Егор переписал номер на обороте квитанции за часы.

На перерыве к нему подошла заведующая складом.

— Вы правда на кладбище работаете?

— Правда.

— А у вас ревизии бывают?

— Бывают. Но с возвратом товара у нас, слава богу, проблем нет.

Женщина засмеялась и призналась, что пришла сюда по рекомендации директора. Ему недавно помогли уладить неприятность с судебным реестром. Сам он на занятиях не появлялся, но сертификат получил.

— Как зовут директора?

— Павел Николаевич. Фамилия Рябцев. Вы его знаете?

— Пока нет.

После перерыва преподаватель объявил, что лучшие слушатели смогут принять участие в практической работе центра. Егор получил приглашение одним из первых.

— Вы проявляете инициативу, — пояснил преподаватель. — Правда, пока не в нужном направлении. Это поправимо.

Тем временем Семён Ильич встретился с Лидией Матвеевной. Она принесла письма, полученные её сыном. Первое уведомляло о приговоре, второе предлагало юридическую помощь, третье содержало расчёт предполагаемой компенсации.

— Смотрите на конверты, — сказал адвокат.

Все три письма были отправлены в один день. Уведомление о приговоре пришло позже остальных лишь потому, что почтальон не застал адресата дома.

— Получается, они уже знали, что ему понадобится помощь? — спросила женщина.

— Во всяком случае, предложение своих услуг они подготовили удивительно своевременно.

Семён Ильич попросил разрешения снять копии и составил перечень документов. Особенно его заинтересовал расчёт компенсации: в нём была указана сумма, которую никто ещё не назначал.

Лидия Матвеевна достала из сумки ещё один конверт.

— Это вчера принесли. Я сыну не показала. У него давление.

В письме центр сообщал, что срок льготного урегулирования истекает в пятницу. После этого стоимость услуг возрастёт вдвое.

— А если вообще не платить?

— Тогда мы будем защищать вашего сына обычным законным способом.

— Бесплатно?

— С вашего сына я денег не возьму. Пусть лучше сохранит все эти письма.

Женщина долго складывала бумаги, потом спросила, нельзя ли ей присутствовать на суде над Презумпцией Невиновности.

— Можно, если заседание будет открытым.

— Я хочу посмотреть на людей, которые придумали всё это. На фотографии они такие приличные.

Вернувшись в контору, адвокат обнаружил Егора перед зеркалом. Тот пытался снять пиджак, не расстёгивая пуговиц.

— Ну как образование?

— Дороговато. За два часа я узнал, что виноватым можно назначить даже человека, которого на месте происшествия не было. Но для этого, оказывается, нужен диплом.

Он протянул квитанцию. Семён Ильич сверил записанный номер с договором Лидии Матвеевны. Совпадала первая часть, обозначавшая серию документов.

— Завтра у них практика, — сообщил Егор. — Мне велели принести паспорт.

— Паспорт оставишь дома. И на практику без меня не пойдёшь.

— А если они спросят, почему?

— Скажешь, что ещё не научился распределять ответственность.

В этот момент позвонил Бурмистров. Проверка автомобиля дала результат: машину арендовал учебный центр. Однако в день поездки на кладбище за рулём находился не штатный водитель.

— Есть фотография с парковки, — сказал следователь. — Лица почти не видно. Зато пассажир знакомый. Мельников.

— Он приезжал не один?

— Именно. И второй человек меня интересует больше первого. У него на шее пропуск судебного архива.

Семён Ильич посмотрел на разложенные письма. Теперь следовало выяснить, кто передавал центру сведения о приговорах ещё до того, как о них узнавали сами осуждённые.

Он набрал номер архива. Дежурная ответила, что заведующий на совещании, заместитель на больничном, а справки о сотрудниках выдаются только по письменному запросу.

— Кому его адресовать?

— Заведующему.

— Который на совещании?

— Да. Оно как раз посвящено сокращению сроков рассмотрения запросов.

Адвокат записал адрес электронной почты и положил трубку. До закрытия архива оставалось сорок минут. Он взял пальто: письменный запрос вполне можно было доставить лично.

Судебный архив помещался в бывшем магазине музыкальных инструментов. Над дверью сохранились отверстия от букв вывески, а в приёмной стоял футляр от контрабаса. В нём хранили зонты.

Дежурная узнала голос Семёна Ильича.

— Вы же только что звонили!

— Решил сократить путь письма.

— У нас электронная почта.

— Знаю. Но пальто я уже надел.

Она приняла запрос, поставила входящий номер и потянулась за журналом. Адвокат заметил на её столе фотографию мальчика с медалью.

— Спортсмен?

— Внук. Шахматы. Вчера проиграл, сегодня требует пересмотра партии. Наслушался дедушку.

— Дедушка судья?

— Нет, проигравший шахматист.

Из коридора вышел невысокий мужчина в расстёгнутом жилете. Дежурная представила его как заведующего архивом Константина Андреевича Зотова.

— У меня к вам вопрос о порядке доступа к судебным решениям, — сказал Семён Ильич.

— Если коротко, то порядок у нас есть. С доступом сложнее.

Зотов прочитал запрос и предложил пройти в кабинет. На подоконнике стояла клетка с канарейкой. Птица громко свистнула, когда заведующий открыл папку.

— Не обращайте внимания. Она реагирует на шелест бумаги. Единственный сотрудник, которого не удалось приучить к электронному документообороту.

Семён Ильич показал копии конвертов. Зотов изучил почтовые отметки и перестал улыбаться.

— Архив получает дела после завершения производства. Если кто-то рассылал предложения об исправлении приговора раньше, искать надо не здесь.

— А если сведения брали из архива для изготовления самого приговора?

Зотов подвинул к себе один из листов.

— Вот этот номер мне знаком. Дайте минуту.

Он открыл реестр и долго водил пальцем по экрану.

— Дело действительно существует. Только оно гражданское. Спор о протекающей крыше. Никакого уголовного производства.

— А фамилия?

— Та же. Ответчик.

— Чем закончился спор?

— Мировым соглашением. Крышу починили.

Семён Ильич записал номер. Теперь становилось понятно, почему в поддельных приговорах встречались настоящие адреса и имена. Кто-то использовал сведения из старых дел, рассчитывая, что человек, уже побывавший в суде, легче поверит новому уведомлению.

— Можно установить, кто запрашивал это дело?

— Бумажное или электронное?

— Оба.

Зотов достал журнал выдачи. Дело о крыше последний раз получали три года назад. В графе возврата стояла подпись секретаря суда. Электронная копия, однако, была открыта совсем недавно.

— Вот это интересно, — пробормотал заведующий.

На экране значилась учётная запись сотрудника, уволенного в прошлом году.

— Он мог сохранить пароль?

— Не должен был. Мы подавали заявку на отключение.

— И что с заявкой?

Зотов нашёл переписку. Технический отдел сообщил, что отключение невозможно до подтверждения увольнения кадровой службой. Кадровая служба просила подтвердить, что сотрудник больше не пользуется системой.

— Вы им отвечали?

— Трижды. Потом человек устроился в другой город. Мы решили, что хотя бы географически вопрос закрыт.

Адвокат попросил сохранить сведения о входах в систему и передать их следователю по официальному запросу. Зотов согласился. Самостоятельно выдавать персональные данные он не собирался, и Семён Ильич не стал настаивать.

Уже у двери заведующий окликнул его.

— Подождите. В прошлом месяце к нам приходил человек из учебного центра. Предлагал оцифровать старые дела за счёт гранта. Бесплатно.

— Как вы отнеслись к предложению?

— Попросил проект договора. Больше его не видел.

— Договор сохранился?

— Проекта не было. Зато осталась визитка.

На визитке значилось имя Павла Николаевича Рябцева. На обороте шариковой ручкой был записан телефон.

Семён Ильич поблагодарил заведующего и вышел на улицу. Позвонил Бурмистрову, сообщил о находке и попросил проверить связь Рябцева с бывшим сотрудником архива.

— Хорошо, — ответил следователь. — Только сегодня я уже ничего не обещаю. У меня пропал подозреваемый.

— Сбежал?

— Нет. Пришёл с повинной, а дежурный отправил его домой. Сказал, что без предварительной записи не принимают.

— Надеюсь, вы знаете его адрес?

— Теперь знаю. Он оставил жалобу на отказ принять явку с повинной.

В конторе Егора не оказалось. На столе лежала записка: «Ушёл за хлебом. Паспорт дома». Семён Ильич заглянул в ящик. Паспорт действительно был там, рядом с двумя билетами на автобус и отвёрткой.

Егор вернулся через десять минут с батоном и незнакомым мужчиной.

— Семён Ильич, это наш однокурсник. У него беда.

Мужчина поставил на пол пакет с продуктами и представился Николаем Степановичем. Он работал мастером в обувной мастерской. На курсы его привело письмо о взыскании денег по судебному решению.

— Я им объяснил, что ничего не брал. Они говорят, это даже хорошо: возвращать будет нечего, останется только оплатить прекращение взыскания.

— Покажите письмо.

Николай Степанович вынул из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист. Семён Ильич прочитал его дважды. В отличие от прежних уведомлений, здесь имелись реквизиты настоящего исполнительного производства.

— Егор, чай пока не ставь. Позвони Бурмистрову.

— Опять подделка?

— Боюсь, на этот раз кто-то сумел заставить настоящую службу исполнять ненастоящее решение.

Николай Степанович присел на край стула.

— А мастерскую у меня заберут?

— Сначала выясним, на каком основании наложено взыскание. Завтра утром пойдём вместе.

— Я в восемь открываюсь. Люди за сапогами придут.

— Тогда предупредите их. Сапоги подождут до обеда.

Мастер задумался.

— У меня один клиент прокурор. Его ботинки готовы. Может, ему тоже подождать?

— Пусть забирает, — сказал Семён Ильич. — Нам ещё не хватало обвинения в удержании прокурорской обуви.

Утром возле обувной мастерской стояли трое мужчин. Двое держали пакеты, третий держал постановление об аресте имущества.

— Кто последний? — спросил Егор.

— Я по служебной необходимости, — ответил третий.

— Тогда за мной. Я по человеческой.

Судебный исполнитель оказался молодым человеком с аккуратной бородкой. Звали его Антон Сергеевич. Он представился, показал удостоверение и объяснил Николаю Степановичу, что пришёл составить опись имущества.

— Вот станок, — сказал мастер. — Без него я работать не смогу.

— Я пока ничего не забираю.

— А зачем тогда описывать?

— Чтобы знать, что забирать, если придётся.

Один из клиентов заглянул в мастерскую.

— Николай, мои полуботинки готовы?

— Готовы. Только быстрее забирай, пока они не стали вещественными доказательствами.

Семён Ильич попросил исполнителя предъявить исполнительный документ. Антон Сергеевич открыл планшет. Взыскателем значилось общество «Гарантия расчётов». Сумма долга составляла сто восемьдесят тысяч. К ней прибавились расходы по исполнению.

— За что взыскание?

— По договору займа.

— Договор имеется?

— В материалах исполнительного производства его нет. Я исполняю документ, а не рассматриваю спор.

Адвокат переписал реквизиты. На этот раз мошенники не ограничились угрозами в письмах. Деньги могли уйти вполне законным банковским переводом, если никто не остановит взыскание.

— Мой доверитель отрицает заключение договора. Мы обратимся в суд. Прошу приобщить заявление и учесть, что происхождение исполнительного документа проверяется следствием.

Антон Сергеевич посмотрел на мастера, который в это время выдавал клиенту ботинки.

— Хорошо. Сегодня опись заканчивать не будем. Но для приостановления производства мне потребуется предусмотренное законом основание.

— Его и будем добиваться.

Егор дождался, когда исполнитель выйдет, и спросил:

— А если я выпишу бумагу, что мне должен весь город?

— Тогда тебе придётся объяснять, почему ты до сих пор работаешь на кладбище.

В суде выяснилось, что дело с указанным номером действительно зарегистрировано. Заявление о выдаче судебного приказа поступило в электронном виде. Приказ был вынесен месяц назад. В материалах имелась расписка о получении денег, подписанная от имени Николая Степановича.

Мастер долго разглядывал копию.

— Это не моя подпись. Я букву «Н» иначе пишу. Меня ещё в школе за неё ругали.

Семён Ильич обратил внимание на дату расписки. Она совпадала с днём, когда мастер записался на курсы. Егор достал телефон и нашёл фотографию анкеты слушателя, которую заполнял сам.

— Здесь паспортные данные, адрес и подпись. Они ещё просили образец подписи поставить в отдельном прямоугольнике. Для сертификата, сказали.

— Для сертификата им хватило бы фамилии.

Николай Степанович побледнел.

— Так это я сам им всё принёс?

— Вы принесли анкету, а не согласие на получение займа. Не путайте одно с другим.

Секретарь суда выдала копию приказа. Адвокат подготовил возражения и заявление о восстановлении срока, приложив сведения о том, когда мастер впервые узнал о взыскании. Отдельно он поставил вопрос о приостановлении исполнения.

— Когда рассмотрят? — спросил Николай Степанович.

— Документы зарегистрированы, — ответила секретарь. — Дальше решает судья.

— А можно зарегистрировать моё желание, чтобы решили сегодня?

— Желания мы не регистрируем.

— Жаль. У меня их всего два: чтобы деньги не забрали и чтобы подошвы наконец привезли.

На лестнице Семён Ильич позвонил Бурмистрову. Следователь попросил привезти копии документов. Услышав название взыскателя, он перебил адвоката:

— Подождите. «Гарантия расчётов»? У меня есть платёжное поручение на эту организацию. Только плательщик другой.

Они встретились после обеда. Бурмистров положил перед адвокатом лист с закрытыми полосками бумаги персональными данными.

— Потерпевший перечислил деньги добровольно, испугавшись письма. Получатель тот же. Теперь у нас есть основание проверить, связаны ли эти эпизоды.

— И ещё анкеты учебного центра.

— Да. Но пока не будем предупреждать их о том, что именно нашли.

Егор, сидевший у окна, поднял руку.

— Мне завтра сертификат получать. Идти?

— Нет, — одновременно ответили оба юриста.

— А деньги за обучение?

— Сохрани квитанцию, — сказал Семён Ильич.

— Вот так и знал. Единственный курс, на котором я действительно научился избегать ответственности, закончился запретом посещать занятия.

Бурмистров проводил их до лестницы. Уже там он попросил Семёна Ильича задержаться.

— Есть ещё одна странность. По делу вашей подзащитной приобщена справка о том, что она якобы препятствовала взысканию задолженности. Справку подготовила та самая организация.

— Презумпция Невиновности мешала им взыскивать деньги?

— Так написано.

— Тогда запросите, пожалуйста, перечень задолженностей, взысканию которых она помешала. Очень хочется посмотреть, сколько среди них настоящих.

Вечером мастер позвонил и сообщил, что прокурор забрал ботинки, расплатился и даже оставил чаевые.

— Хороший человек, оказывается, — удивился Николай Степанович.

— Не торопитесь с выводами, — ответил Егор. — У нас теперь даже хорошие люди проходят проверку. Только по другой статье: на соответствие ожиданиям.

Утром Николай Степанович явился на кладбище с пакетом. В пакете лежали ботинки Семёна Ильича, завёрнутые в газету.

— Вы бы хоть позвонили. Я сам забрал бы.

— Мне теперь полезно ходить пешком. Карточку заблокировали, а в автобусе наличные не принимают.

Адвокат отложил газету. Мастер показал сообщение банка: на счёте оставалось четыреста тридцать рублей, но воспользоваться ими он не мог.

— А деньги уже перечислили взыскателю?

— Не знаю. В банке сказали, что сведения о моих деньгах составляют банковскую тайну. Я спросил, от кого. Девушка задумалась и предложила оценить качество обслуживания.

Семён Ильич позвонил исполнителю. Тот подтвердил, что деньги пока находятся на депозитном счёте службы. Суд ещё не рассмотрел заявление о приостановлении.

— Николай Степанович, сегодня вы идёте со мной. Возьмите паспорт и выписку из банка.

— Паспорт у меня с собой. Я теперь без него даже мусор не выношу. Вдруг опять выяснится, что я где-нибудь что-нибудь подписал.

Егор проводил их до ворот и остался принимать поставку щебня. Водитель привёз накладную, в которой значилось восемь тонн. Самосвал был подозрительно мал.

— Восемь тонн влезает? — спросил Егор.

— По документам влезает.

— Тогда документы выгружайте отдельно. Они, видимо, тяжелее щебня.

В суде адвокату сообщили, что заявление мастера передано судье. Пока они ждали в коридоре, из соседнего кабинета вышла женщина с детской коляской. Она пыталась застегнуть куртку ребёнку и одновременно удержать несколько листов. Николай Степанович помог ей подобрать упавшую бумагу.

— Тоже приказ? — спросил он, узнав знакомое оформление.

— Да. Только я не понимаю, за что. Муж в командировке, а мне говорят, что он взял деньги в долг. Он в это время на судне был, посреди моря.

Семён Ильич попросил разрешения взглянуть на документ. Взыскатель оказался другим, но адрес для корреспонденции совпадал с адресом «Гарантии расчётов».

— Вы обращались к юристу?

— Обращалась. Мне предложили заплатить за отмену приказа половину долга. Я спросила, а если приказов будет десять? Сказали, постоянным клиентам скидка.

Адвокат записал её телефон и объяснил, какие документы следует собрать. Женщина ушла, а мастер некоторое время смотрел ей вслед.

— Семён Ильич, я ведь вчера думал, что только мне так не повезло.

— Вот это и надо проверить.

К полудню судья вынес определение о приостановлении исполнения приказа. Вопрос о его отмене ещё предстояло разрешить. Мастер прочитал определение дважды и осторожно сложил лист вчетверо.

— Теперь можно покупать подошвы?

— Когда банк снимет ограничения.

— У нас, получается, даже свобода распоряжаться собственными деньгами идёт с доставкой.

Бурмистров встретил адвоката в кабинете, где пахло разогретым обедом. На подоконнике стояли три одинаковые кружки с надписью «Лучшему следователю».

— Коллекционируете?

— Подарки от родственников. Они не знают, что дарили друг другу в прошлом году.

Он убрал со стола контейнер с гречкой и показал ответ на запрос. Организация, подготовившая справку против Презумпции Невиновности, перечислила четырнадцать случаев, когда

взыскание не состоялось. В двух случаях должники оказались умершими ещё до даты предполагаемого займа.

— С этими двумя, — сказал Семён Ильич, — я, пожалуй, могу помочь по основному месту работы.

— Есть ещё интереснее. Один должник находится под опекой. Его опекун впервые услышал о займе от судебного исполнителя.

— А остальные?

— Проверяем. Пока справка доказывает лишь то, что организация недовольна результатами своей деятельности.

Бурмистров достал из папки копию письма. Под ним стояла подпись директора «Гарантии расчётов». Директор утверждал, что вмешательство Презумпции Невиновности причинило обществу имущественный ущерб.

— Они требуют признать потерпевшими себя? — спросил адвокат.

— Именно.

— Удивительная экономическая модель. Сначала придумать долг, потом посчитать убытки от невозможности его получить.

— Не спешите. Мне нужно установить, кто составлял документы. Директор мог подписать справку, не зная происхождения расписок.

Семён Ильич согласился. Ему меньше всего хотелось защищать Презумпцию Невиновности посредством нарушения презумпции невиновности другого человека.

Вечером он приехал к подзащитной. Она сидела за столом и чинила очки: у дужки выпал винтик. Сотрудник учреждения принёс ей отвёртку, но остался рядом, поскольку отвёртка числилась инструментом повышенной ответственности.

— Вы не могли бы отвернуться? — попросила она.

— Не положено.

— Тогда хотя бы подержите очки.

Сотрудник подержал. Ремонт занял минуту, оформление возврата отвёртки — семь.

Семён Ильич рассказал о справке и четырнадцати должниках. Презумпция Невиновности выслушала его внимательно.

— Я помню одного из них. Приходил мужчина с письмом о задолженности. Он хотел продать машину, чтобы расплатиться. Я посоветовала сначала выяснить, кому и за что он должен.

— Фамилию помните?

— Нет. Зато помню машину. Он говорил, что на ней развозит хлеб.

Адвокат записал эту подробность.

— А вы встречались с директором общества?

— Один раз. На круглом столе о повышении финансовой дисциплины. Он предложил считать отказ гражданина признать долг признаком недобросовестности. Я спросила, распространяется ли это на его собственные долги. После перерыва меня пересадили подальше от микрофона.

— Кто организовал круглый стол?

Она назвала городскую палату предпринимателей и вспомнила, что мероприятие снимали на видео.

На выходе Семён Ильич позвонил Егору.

— Найди запись круглого стола. Только ничего не пиши в комментариях.

— А если там уже написана глупость?

— Оставь её в первоначальном виде. Нам нужны доказательства, а не твоя редактура.

К девяти вечера Егор нашёл запись. На экране директор общества рассуждал о доверии между кредиторами и заёмщиками. Рядом с ним сидел человек, которого Егор узнал сразу: преподаватель учебного центра, принимавший у слушателей анкеты.

Но удивило его другое. Когда ведущий объявил перерыв, преподаватель наклонился к директору и передал ему папку. Камера ещё работала. На обложке папки крупными буквами было напечатано название курса, на который записался Егор.

Он остановил запись и позвал Семёна Ильича.

— Название видно, — сказал Семён Ильич. — А содержимое?

— Если увеличить, можно разглядеть скрепку.

— Скрепку пока не привлекаем. Найди организатора мероприятия.

Егор отыскал телефон городской палаты предпринимателей. Ответила женщина, которая представилась специалистом по деловым коммуникациям. Она долго выясняла, намерены ли собеседники вступить в палату, выступить на мероприятии или приобрести рекламный пакет.

— Нам нужна запись круглого стола целиком.

— А вы кто?

— Заинтересованные лица.

— У нас заинтересованные лица платят взносы.

Семён Ильич взял трубку и объяснил, что речь идёт о возможном доказательстве по уголовному делу. Женщина перестала предлагать рекламные пакеты и дала телефон оператора.

Оператор, молодой человек по имени Антон, согласился встретиться утром. Он работал в маленькой студии над магазином сантехники. На лестнице висело объявление: «Снимаем свадьбы, юбилеи, конференции. Монтаж любой сложности».

— Последнее, надеюсь, не относится к доказательствам? — спросил Егор, пока они поднимались.

Антон встретил их в свитере с вытянутыми рукавами. Узнав, зачем они пришли, он достал внешний диск.

— Полная запись есть. Заказчик просил вырезать перерыв. Обычно так и делают: люди едят бутерброды, разговаривают, звук плохой.

— А кто заказчик?

— Палата. Но замечания к монтажу присылал учебный центр.

Он открыл переписку. Среди обычных просьб убрать шум микрофона и поправить титры обнаружилось указание исключить разговор у окна после первого выступления.

Антон нашёл этот фрагмент. Директор «Гарантии расчётов» стоял спиной к камере. Преподаватель листал папку. Слова почти заглушал гул кофейного аппарата, но одна фраза прозвучала отчётливо:

— Без живой подписи не пойдёт. Нам уже вернули три комплекта.

Затем кто-то придвинул к микрофону стул, и раздался неприятный скрежет.

— Всё? — спросил Егор.

— Дальше обсуждают парковку, — ответил Антон.

Семён Ильич попросил сохранить исходную запись и переписку до официального запроса следователя. Антон записал его номер на обороте квитанции за интернет.

— Мне за это ничего не будет?

— За сохранение записи оснований для ответственности я не вижу. А если вас попросят её уничтожить, позвоните мне.

На улице Егор предложил немедленно отправиться в учебный центр.

— И что ты там спросишь?

— Чьи подписи им нужны.

— Они тебе ответят: слушателей на листе посещаемости. И, возможно, не соврут.

Адвокат позвонил Бурмистрову и договорился передать контакты оператора. Потом они поехали к Николаю Степановичу. Мастер уже открыл мастерскую, хотя банк ещё не разблокировал его счёт. На верстаке лежала пара детских сапог.

— В долг ремонтируете? — спросил Егор.

— Нет, бесплатно. В долг теперь боюсь. Вдруг ребёнок вырастет, а мне предъявят проценты за пользование его сапогами.

Семён Ильич попросил мастера вспомнить, где за последний год он оставлял образцы подписи. Николай Степанович перечислил почту, банк, поликлинику и поставщика кожи. Потом достал из ящика потрёпанную тетрадь.

— Я ещё участвовал в городской программе поддержки ремесленников. Обещали льготную аренду. Собрали заявления, копии документов, сведения о доходах. А потом сказали, что программа закончилась раньше, чем началось финансирование.

— Где принимали заявления?

— В палате предпринимателей. На втором этаже.

Егор перестал вертеть в руках обувную щётку.

— Вот вам и поддержка. Человек подал заявление на помощь, а получил возможность помочь кому-то другому.

Мастер нашёл расписку о приёме документов. Внизу стояла фамилия сотрудницы палаты и дата. Семён Ильич сфотографировал лист с разрешения хозяина.

— Это ещё не доказывает, что подпись взяли оттуда. Но теперь есть что проверять.

В палате их встретила та самая специалистка по коммуникациям. Она узнала голос адвоката и отвела их к начальнику отдела программ. Начальник, сухощавый мужчина с аккуратной бородкой, выслушал вопрос о ремесленниках и открыл шкаф.

— Программа действительно была. Мы даже получили диплом за её реализацию.

— А сколько человек получили помощь?

— Ни одного. Финансирование не поступило.

— За что же диплом?

— За успешное информационное сопровождение.

Он показал папку с отчётом. В ней были фотографии очереди, газетные публикации и благодарность за высокий охват целевой аудитории. Заявлений не оказалось.

— Их передали подрядчику для обработки, — объяснил начальник.

— Какому?

— Сейчас посмотрим договор.

Договор нашёлся в электронной системе. Подрядчиком значился учебный центр. Ему поручили оценить потребности заявителей в повышении финансовой грамотности.

— А согласие на передачу персональных данных у заявителей брали?

Начальник отдела открыл типовой бланк. В графе согласия стояло разрешение обрабатывать сведения для участия в программе. О передаче их учебному центру ничего не говорилось.

— Мы исходили из того, что обучение полезно всем, — произнёс он.

— Польза обучения не даёт права распоряжаться чужими документами.

Начальник снял очки и протёр их краем галстука.

— Вы хотите сказать, что у нас нарушение?

— Я хочу получить копию договора и акта передачи. О нарушениях поговорим, когда выясним, что именно передавалось.

Акт содержал количество анкет, но не перечень заявителей. Начальник обещал поднять журнал выдачи. Семён Ильич оставил письменный запрос и попросил не уничтожать документы, даже если срок хранения истёк.

У выхода Егор заметил стенд с фотографиями награждённых сотрудников. Под дипломом за поддержку ремесленников висел диплом за сокращение административных барьеров.

— Вот бы их к нам на кладбище, — сказал он. — У нас барьер один, на въезде. Поднимут его, получат третий диплом.

Вечером Бурмистров сообщил, что ещё двое из четырнадцати должников подавали заявления на участие в той же программе. Он собирался официально запросить документы у палаты.

— А преподавателя вызовете?

— Вызову. Только сначала хочу узнать, кто принимал у него результаты обработки анкет.

Семён Ильич положил трубку. Егор сидел напротив и заполнял журнал кладбищенских работ.

— Что пишешь?

— Отремонтировал калитку.

— Так и пиши.

— А можно «обеспечил беспрепятственный доступ к объекту»? Вдруг тоже диплом дадут.

— Калитка от этого лучше закрываться не станет.

Егор зачеркнул длинную фразу. В этот момент в сторожку вошла незнакомая женщина с кожаной папкой. Она спросила Семёна Ильича и представилась бывшей сотрудницей палаты предпринимателей.

— Мне сказали, вы ищете заявления ремесленников.

— Кто сказал?

— Начальник отдела. Он звонил мне сегодня и спрашивал, сохранились ли у меня рабочие копии.

Она села, не снимая пальто.

— Копий у меня нет. Но есть письмо, из-за которого я уволилась. Я отказалась подписывать акт об уничтожении анкет. Их никто не уничтожил. Их забрали ещё раз, уже после закрытия программы.

— Кто забрал?

Женщина раскрыла папку и положила перед адвокатом распечатку письма.

— Вот это я и хотела бы узнать. Посмотрите на адрес отправителя.

Адрес отправителя начинался с названия учебного центра, но заканчивался доменом городской администрации. Семён Ильич попросил женщину назвать себя.

— Лидия Андреевна Корнеева. Я вела реестр заявителей. Восемь лет проработала в палате, ни одного взыскания. Уволилась по собственному желанию, которое мне любезно помогли сформулировать.

— Что было в письме?

— Просили подготовить оригиналы анкет для дополнительной сверки. Я подготовила. За ними приехал мужчина с удостоверением сотрудника администрации. Расписался в журнале, забрал две коробки. Через неделю мне принесли акт, по которому я якобы лично пропустила эти анкеты через уничтожитель бумаги.

— А уничтожитель у вас был? — спросил Егор.

— Был. Только он с весны не работал.

— Хорошая техника. Единственный свидетель, которого нельзя обвинить в даче ложных показаний.

Лидия Андреевна улыбнулась, но тут же снова посерьёзнела.

— Я не знаю фамилии мужчины. В журнале должна остаться подпись. Если, конечно, журнал ещё существует.

Семён Ильич прочитал письмо целиком. Под ним стояла должность координатора межведомственного проекта. Фамилии не было. Он уточнил дату получения, попросил Корнееву сохранить электронный оригинал и записал её телефон для Бурмистрова.

— Вы согласны дать показания?

— Ради этого и пришла. Только я теперь работаю в магазине. Хозяин не любит, когда отпрашиваются.

— Пусть вызовут повесткой.

— Он и повестку может вычесть из зарплаты.

— Тогда у нас появится ещё один клиент, — обрадовался Егор.

На следующее утро Семён Ильич отправился в администрацию. В приёмной пахло свежей краской. На стене висела схема подразделений, выполненная с таким количеством стрелок, что Егор долго искал на ней обозначение выхода.

— Нам нужен координатор межведомственного проекта, — объяснил адвокат секретарю.

— Какого проекта?

— Это я и хотел бы выяснить.

— Без названия проекта мы не можем определить координатора.

— А по адресу электронной почты?

Секретарь внимательно изучила распечатку и позвонила в отдел цифрового развития. Там сообщили, что адрес служебный и закреплён за проектом, а не за конкретным сотрудником.

— Кто имеет к нему доступ? — спросил Семён Ильич.

— Уполномоченные лица.

— Кто их уполномочил?

— Руководитель проекта.

— А руководитель кто?

Секретарь прикрыла трубку ладонью.

— Вы опять вернулись к первому вопросу.

— Нет, это ваш собеседник вернулся. Я всё это время стою на месте.

Из соседнего кабинета вышел мужчина с пачкой цветных буклетов. Секретарь подозвала его. Он оказался специалистом по сопровождению городских инициатив и узнал адрес.

— Это проект финансовой устойчивости населения. Его закрыли в прошлом квартале.

— Что он предусматривал?

— Снижение долговой нагрузки.

Егор посмотрел на Семёна Ильича.

— Николай Степанович, наверное, участвовал в контрольной группе. Ему нагрузку увеличили, чтобы было с чем сравнивать.

Специалист не понял шутки. Он предложил взять буклет, но адвокат попросил положение о проекте и сведения о его руководителе. Получить их сразу не удалось: архив проекта передали в другое подразделение. Семён Ильич зарегистрировал запрос.

Уже на лестнице его догнал специалист.

— Вы ведь по делу о поддельных решениях?

— В том числе.

— Тогда посмотрите не буклет, а приложение к итоговому отчёту. Там были показатели по взысканию задолженности. Я верстал диаграммы и удивился: проект назывался поддержкой должников, а успех измеряли суммой взысканных денег.

— У вас осталась копия?

— Нет. Но отчёт утверждали на заседании городской комиссии. Протокол должен быть в секретариате.

На улице Егор купил два пирожка. Один оказался с капустой, второй тоже с капустой, хотя продавец уверял, что он с мясом.

— Предлагаю считать мясо установленным обстоятельством, — сказал Егор, разглядывая начинку. — А капусту приобщить в качестве возражения защиты.

Семён Ильич убрал пирожок в пакет. Ему позвонил Бурмистров. В палате нашли журнал выдачи документов. Страница с нужной датой отсутствовала, но на следующем листе сохранилась запись о возврате пустых коробок.

— Пустых? — переспросил адвокат.

— Именно. Две картонные коробки, возврат по накладной. Накладную подписал водитель администрации. Его уже нашли.

— Он помнит поездку?

— Пока не спрашивал. Хочу сначала получить путевые листы.

Семён Ильич рассказал о Корнеевой и проекте финансовой устойчивости. Бурмистров помолчал.

— Знаете, что меня беспокоит? В деле Презумпции Невиновности фигурирует справка о росте числа неисполненных решений. Именно её использовали для обоснования обвинения. Если эта справка составлена по итогам того же проекта, нам придётся проверять не только происхождение поддельных приговоров, но и само основание уголовного дела.

— Пришлите реквизиты справки, если можете.

— Лучше приезжайте знакомиться с материалами.

Егор доел пирожок и выбросил салфетку.

— А мне можно с вами?

— В качестве кого?

— В качестве лица, заинтересованного в установлении мясной начинки.

— Купи другой пирожок. Это будет дешевле экспертизы.

В кабинете Бурмистрова адвоката ждала тонкая папка. Справка занимала три страницы. На первой были цифры, на второй выводы, на третьей подпись должностного лица. Семён Ильич задержался на примечании мелким шрифтом: сведения о неисполненных решениях предоставлены участниками проекта финансовой устойчивости населения.

Он выписал номер документа. Теперь требовалось выяснить, какие именно решения вошли в статистику. Если среди них окажутся поддельные, обвинение лишится одного из главных аргументов.

— Ходатайство сегодня подадите? — спросил Бурмистров.

— Сейчас напишу.

Следователь подвинул ему чистую бумагу.

— Только не на обороте справки. У нас её оригинал один.

— Не беспокойтесь. Я привык беречь доказательства обвинения. Иногда они оказываются лучшими доказательствами защиты.

Бурмистров прочитал ходатайство и задержал палец на последнем абзаце.

— Вы просите истребовать весь перечень решений, а не только те, которые относятся к вашей подзащитной?

— Именно. Мне хотелось бы узнать, каким образом её деятельность измерили в рублях.

— Тут есть персональные данные.

— Пусть документы поступят к вам. Я ознакомлюсь с ними в установленном порядке. Мне не нужны адреса должников, чтобы проверить существование судебных актов.

Бурмистров зарегистрировал ходатайство. Егор, наблюдавший за этой процедурой с порога, поинтересовался, можно ли получить номер регистрации номера регистрации. Следователь посоветовал ему не подавать администрации новых идей.

До закрытия городского секретариата оставалось сорок минут. Семён Ильич решил воспользоваться ими и отправился за протоколом заседания комиссии. На первом этаже администрации уже выключили половину светильников, но у гардероба толпились посетители: сотрудница не могла уйти, пока не выдаст последнее пальто, а владелец пальто не мог спуститься, пока не закончится совещание о сокращении продолжительности совещаний.

Секретарь комиссии, пожилая женщина с аккуратной причёской, приняла адвоката без особой радости.

— Вы сегодня третий человек, которому понадобился этот протокол. До сегодняшнего дня им никто не интересовался, включая членов комиссии.

— А кто были первые двое?

— Один из финансового управления, второй представился сотрудником подрядчика. Второму я ничего не дала.

— Почему?

— Потому что он попросил оригинал. Даже расписку принёс готовую. Обычно люди сначала получают документ, потом обещают его вернуть. Этот обещал заранее, что меня насторожило.

Семён Ильич предъявил удостоверение и оставил письменный запрос. Женщина объяснила, что копию сможет выдать после согласования, но повестка заседания опубликована на городском портале.

Егор открыл портал на телефоне. Через несколько минут он обнаружил документ под рубрикой «Открытость деятельности». Для просмотра требовалось зарегистрироваться, подтвердить номер телефона и согласиться на получение информационных сообщений.

— Семён Ильич, я уже получил три сообщения об открытости, а документ ещё не открыл.

Адвокат попросил его убрать телефон. Секретарь достала из ящика старую распечатку повестки и показала нужный пункт. Докладчиком значился заместитель руководителя финансового управления. Следующим вопросом рассматривалось продление договора с организацией, обеспечивающей информационное сопровождение проекта.

— Оба вопроса в один день? — уточнил Семён Ильич.

— Да. Помню, потому что второй докладчик опоздал. Пока его ждали, председатель успел съесть все конфеты, предназначенные для гостей.

— А решения по вопросам принимались отдельно?

— Голосовали отдельно. Только обсуждали вместе.

Адвокат записал дату заседания. Само по себе соседство двух вопросов ничего не доказывало. Однако теперь у него появился способ проверить, зависело ли вознаграждение подрядчика от показателей, которые впоследствии использовали против Презумпции Невиновности.

На выходе Егор наконец загрузил повестку.

— Тут ещё вопрос о повышении доверия населения к городским учреждениям.

— И что решили?

— Перенести на следующее заседание.

На следующее утро в сторожку пришёл мужчина в дорогом пальто и с дешёвой папкой. Он долго вытирал ноги о коврик, потом представился консультантом по урегулированию имущественных споров.

— У меня предложение, которое позволит вам сэкономить время.

— На кладбище это особенно востребованная услуга, — сказал Егор.

Посетитель положил перед Семёном Ильичом лист бумаги. Речь шла о добровольном возмещении ущерба одному из потерпевших. Сумма была указана полностью, включая расходы на представителя.

— Прекрасно, — сказал адвокат. — Передайте предложение потерпевшему.

— Мы рассчитывали, что вы поможете согласовать условия.

— Какие именно?

Мужчина перевернул лист. На обороте находилось обязательство не обращаться в государственные органы по обстоятельствам возникновения задолженности.

— А это зачем?

— Для окончательного урегулирования.

— Возврат денег и прекращение проверки происхождения судебного решения — разные вещи. Первое я могу обсудить с доверителем. Второе вам следует обсуждать со следователем, желательно в присутствии собственного адвоката.

Консультант убрал лист в папку.

— Вы же понимаете, что длительный процесс никому не выгоден?

— Не всем. Я знаю несколько организаций, которые на нём неплохо заработали.

Посетитель отказался назвать заказчика и ушёл. Семён Ильич записал время встречи и содержание предложения, пока разговор оставался свежим в памяти. Егор выглянул в окно.

— Машина у него хорошая. Может, надо было предложить ему участок?

— Не надо. Он и так пытался похоронить дело.

В полдень Бурмистров позвонил сам. Перечень судебных решений поступил из финансового управления, причём в двух вариантах: на бумаге и в электронной таблице. Количество строк не совпадало.

— На бумаге четыреста восемьдесят семь, в таблице четыреста девяносто два, — сообщил следователь.

— А по отчёту?

— Пятьсот.

— Красивое число. Видимо, остальные восемь должников подвели коллектив.

В кабинете Бурмистрова Семён Ильич получил возможность ознакомиться с документами. Он начал с пяти лишних строк электронной таблицы. В каждой из них вместо номера судебного дела стоял номер заявки. Все заявки были зарегистрированы в один день.

— Запросите сведения в суде, — попросил адвокат. — И по этим пяти, и по остальным. Выборочная проверка здесь уже не годится.

— Запросил. Ответ обещали завтра.

Егор, которому пришлось ждать в коридоре, познакомился с мужчиной, пришедшим давать объяснения по поводу исчезнувшего велосипеда. Мужчина принёс фотографию велосипеда, чек и ключ от замка. Не хватало только велосипеда, что, по мнению дежурного, существенно затрудняло установление его местонахождения.

— А если бы я его принёс? — спросил мужчина.

— Тогда оснований для обращения не было бы.

Егор посоветовал ему не спорить: человек, способный найти велосипед таким способом, наверняка мог найти и работу в администрации.

Когда адвокат вышел, Егор уже держал в руках визитку велосипедиста. Тот оказался мастером по ремонту кассовых аппаратов и обслуживал несколько городских учреждений.

— Семён Ильич, он знает, где у нас печатают квитанции.

— Егор, не превращай очередь к следователю в агентурную сеть. Человек пришёл за велосипедом.

Однако визитку Семён Ильич взял. На ней был указан адрес мастерской, расположенной в том же здании, что и учебный центр. Он вспомнил, что в материалах потерпевших встречались квитанции с одинаковым обозначением терминала.

В мастерской пахло канифолью и кофе. Велосипедист, представившийся Геннадием, оказался человеком обстоятельным. Он выслушал адвоката, надел очки и рассмотрел копию квитанции.

— Это не кассовый чек. Тут даже номера фискального документа нет. Просто бумажка, похожая на чек.

— А зачем на ней номер терминала?

— Чтобы выглядела солиднее. У меня сосед на гараже написал «Склад номер семь». Шести других гаражей у него нет, зато налоговая дважды интересовалась оборотом предприятия.

Геннадий объяснил, что по внешнему виду распечатки нельзя установить её происхождение. Для этого потребуются сведения от организации, принявшей платёж, и данные банка. Семён Ильич поблагодарил мастера. Он не собирался выдавать устную консультацию за экспертное заключение, но теперь знал, какие документы следует запросить.

На обратном пути Егор предложил купить велосипедисту новый замок.

— Сначала пусть найдёт велосипед, — ответил адвокат.

— А вдруг замок поможет найти?

— Тогда придётся признать, что дежурный был прав.

Вечером в сторожке Семён Ильич разложил копии квитанций. У двух потерпевших суммы платежей отличались, но назначение было одинаковым: обеспечение исполнения решения. Получателем значилась не организация, указанная взыскателем в поддельном судебном акте.

Он позвонил Бурмистрову и продиктовал реквизиты.

— Интересно, — сказал следователь. — Завтра проверим движение средств.

— И не забудьте про предложение консультанта. Возможно, возврат денег предполагался из того же источника.

На следующий день ответ суда принесли в запечатанном конверте. Бурмистров вскрыл его при адвокате. Из пяти заявок ни одна не соответствовала зарегистрированному судебному делу. По остальным позициям проверка продолжалась.

Следователь отложил лист и снял очки.

— Значит, справка о последствиях деятельности вашей подзащитной составлена с использованием недостоверных сведений.

— По меньшей мере в этой части. Теперь нужно установить, кто их предоставил и кто проверял.

— Автор справки скажет, что доверял источнику.

— Пусть назовёт источник. Доверие у нас пока не освобождает от обязанности читать документы перед подписанием.

Бурмистров набрал номер финансового управления. После короткого разговора он записал фамилию сотрудника, отвечавшего за подготовку таблицы, и попросил прислать исходные материалы.

Через час поступило письмо. В приложении находился файл с перечнем задолженностей, а в сопроводительном тексте сообщалось, что финансовое управление не располагает сведениями о происхождении каждой записи, поскольку ведёт исключительно обобщённый учёт.

— Вот ведь удобная бухгалтерия, — сказал Семён Ильич. — Если сложить пять несуществующих долгов, получится вполне существующий показатель.

Бурмистров не улыбнулся. Он открыл постановление о привлечении Презумпции Невиновности в качестве обвиняемой и сопоставил приведённую там сумму с итогом таблицы.

— Совпадает до копейки.

Семён Ильич попросил зафиксировать результат сопоставления и приобщить ответ суда. Затем написал ходатайство о пересмотре меры пресечения. На этот раз Бурмистров не стал обсуждать перспективы. Он внимательно прочитал документ и зарегистрировал его.

У выхода адвоката ждал Егор. В руках у него был пакет с двумя булочками.

— Ну что, отпустят?

— Пока не знаю. Но теперь следствию придётся объяснить, почему оно поверило цифрам, а не суду.

— Может, цифры убедительнее выглядели?

— Конечно. У цифр не бывает адвокатов.

Наутро Егор обнаружил у кладбищенских ворот женщину с хозяйственной сумкой. Она долго изучала расписание работы, потом спросила, можно ли здесь получить справку о том, что человек жив.

— У нас специализация обратная, — объяснил Егор. — А кто сомневается?

— Пенсионный отдел. Мужу приостановили выплату.

— Муж где?

— Дома. Смотрит телевизор и ругается на пенсионный отдел.

Егор проводил посетительницу в сторожку. Семён Ильич предложил ей присесть и выяснил, что супруги уже дважды обращались в отдел. Там обнаружили сведения о смерти мужа, но документа, на основании которого они были внесены, предъявить не смогли.

— Он сам приходил?

— Приходил. Сказали, что личное присутствие не является основанием для изменения сведений в реестре.

— А если он ещё раз женится? — заинтересовался Егор.

— На ком?! — возмутилась женщина.

— Да я исключительно в научных целях.

Семён Ильич попросил показать письменный ответ. Женщина принесла всю переписку. Среди бумаг нашлось уведомление о прекращении выплаты с номером записи о смерти. Адвокат переписал номер и предложил супругам обратиться в орган регистрации актов гражданского состояния.

— Вы нам поможете?

— Составлю заявление. Только мужа пока никуда не прячьте. Он у нас главное доказательство.

Когда посетительница ушла, Семён Ильич открыл журнал кладбищенского учёта. Номер из уведомления показался ему знакомым. Несколько недель назад он проверял документы на участок, приобретённый неизвестным заказчиком через представителя. В папке лежала копия свидетельства о смерти с тем же номером, но на другое имя.

Адвокат достал папку из шкафа и положил рядом оба документа. Егор заглянул через его плечо.

— Это что же, покойника перепутали?

— Пока известно только, что номер один и тот же.

— Может, у них нумерация семейная?

Семён Ильич снял копии и связался с Бурмистровым. Следователь попросил сохранить оригиналы и сообщил, что получил первые банковские сведения. Деньги, перечисленные двумя потерпевшими в качестве обеспечения исполнения решения, поступили на счёт фирмы, занимавшейся сопровождением муниципальных проектов.

— Чем именно она занималась?

— Судя по договору с администрацией, повышением качества межведомственного взаимодействия.

— И как качество?

— Два ведомства уже взаимодействуют. Наше и прокуратура.

В полдень адвокат отправился к подзащитной. Презумпция Невиновности встретила его за чтением старого журнала. На последней странице была напечатана задача: требовалось найти десять отличий между двумя рисунками.

— Хорошее занятие, — заметила она. — Вчера мне дали ознакомиться с протоколом допроса. Там я нашла одиннадцать отличий от собственного рассказа.

Семён Ильич рассказал ей о результатах проверки судебных дел и ходатайстве об изменении меры пресечения. Она выслушала его и спросила, вернут ли деньги обманутым людям.

— Этим тоже занимаемся.

— Тогда не торопитесь обещать мне свободу. Лучше узнайте, почему этих людей никто не выслушал.

На выходе адвокат встретил Бурмистрова. Следователь нёс под мышкой папку и пакет с обедом. Из пакета торчала зелень.

— Решение по ходатайству готовится, — сказал он. — Прокурор запросил дополнительные материалы.

— Какие?

— Обоснование того, что обвиняемая может продолжить деятельность, в которой её обвиняют.

— То есть продолжить считать людей невиновными до приговора?

Бурмистров поправил пакет.

— Я именно поэтому и попросил сформулировать вопрос письменно.

Вечером в сторожку пришёл муж женщины, обращавшейся за справкой. Звали его Павлом Андреевичем. Он оказался бывшим инженером и принёс не только паспорт, но и трудовую книжку, пенсионное удостоверение, медицинскую карту и фотографию с недавнего юбилея.

— Жена велела взять всё, что подтверждает существование.

— А фотография зачем? — спросил Егор.

— Там я торт режу.

— Хорошо, что не ленту на открытии памятника.

Павел Андреевич рассмеялся. Семён Ильич объяснил, что совпадение номеров ещё не доказывает причастности сотрудника пенсионного отдела к подлогу. Инженер согласился. За сорок лет работы он привык сначала искать неисправность, а потом виноватого.

— Знаете, — сказал он, собирая бумаги, — мне ещё письмо приходило. От какой-то фирмы. Предлагали оформить выплату родственникам умершего. Я выбросил.

— Когда?

— За неделю до того, как пенсию остановили. Жена, кажется, конверт оставила. Она на конвертах список покупок пишет.

Через двадцать минут Павел Андреевич вернулся. На обороте конверта значились картошка, сметана и две банки горошка. На лицевой стороне стоял обратный адрес фирмы, получавшей деньги от потерпевших.

Семён Ильич попросил разрешения передать конверт следователю.

— Забирайте, — ответил инженер. — Только список перепишите. Мне сегодня ещё в магазин.

Егор переписал список покупок. Так в материалах расследования появились картошка, сметана и две банки горошка.

Наутро Павел Андреевич отправился в пенсионный отдел. Семён Ильич пошёл с ним: инженер опасался, что без юридической помощи ему предложат дождаться следующей жизни.

За окошком сидела молодая сотрудница с красными от недосыпания глазами. Она внимательно сверила паспорт с фотографией на экране.

— У нас по вам поступило уточнение сведений.

— В какую сторону уточнили? — спросил Павел Андреевич.

— В сторону прекращения выплаты.

— А в сторону возобновления уточнить нельзя?

Девушка попросила подождать и ушла к начальнице. Через стеклянную перегородку было видно, как обе женщины несколько раз посмотрели на посетителя. Наконец начальница вышла в зал и пригласила его в кабинет.

Начальница выслушала инженера, распорядилась принять заявление и направить срочный запрос в орган регистрации актов гражданского состояния. Семён Ильич попросил также выяснить, откуда поступило сообщение о смерти.

— Мы получаем сведения через систему межведомственного обмена, — объяснила начальница. — Но это уведомление пришло отдельно, с приложением электронной копии свидетельства.

— Кто отправитель?

Начальница повернула монитор к себе и нахмурилась.

— Управление социальной поддержки. Странно. Обычно они запрашивают у нас сведения, а не присылают такие документы.

Она зарегистрировала сообщение об ошибке. Павел Андреевич получил расписку о принятии заявления и долго изучал её, прежде чем убрать в карман.

— Скажите, а если я умру по-настоящему, мне опять сюда приходить?

Начальница впервые за весь разговор улыбнулась.

— Надеюсь, что в ближайшие годы мы с вами будем встречаться по более приятным поводам.

На улице инженер купил два пирожка с капустой. Один протянул адвокату.

— Вот вам аванс за возвращение к жизни. Остальное после пенсии.

Семён Ильич принял пирожок. Отказываться от гонорара, который ещё тёплый, было бы неуважением к клиенту.

Тем временем Бурмистров получил ответ на запрос из регистрационного органа. Подлинная запись с интересовавшим его номером действительно существовала. Ни Павел Андреевич, ни человек, указанный в кладбищенских документах, отношения к ней не имели. Следователь поручил проверить происхождение обеих копий.

В управлении социальной поддержки его встретил заместитель начальника, мужчина с безупречно выглаженным галстуком и удивительной способностью отвечать на вопросы, которых ему не задавали.

— Мы проводим большую работу по выявлению граждан, нуждающихся в адресной помощи.

— Кто направил уведомление в пенсионный отдел?

— В прошлом квартале охват населения вырос на восемь процентов.

— Меня интересует конкретное уведомление.

— По итогам года рассчитываем на двенадцать.

Бурмистров закрыл блокнот.

— Хорошо. Тогда начнём с одного процента. Покажите сотрудника, подписавшего документ.

Заместитель вызвал специалиста по информационным системам. Тот принёс журнал исходящих сообщений и объяснил, что спорное уведомление было отправлено с рабочего места сотрудницы, находившейся в отпуске.

— Она могла работать удалённо?

— Теоретически.

— А практически?

— Она была в горах. Присылала фотографии. Связь там такая, что даже фотография козы загружалась полдня.

Следователь попросил сохранить журналы доступа и сведения о подключениях. Специалист согласился, но заместитель заметно забеспокоился.

— Это ведь не повлияет на показатели нашей работы?

— Если показатели хранятся отдельно от доказательств, не повлияет.

На обратном пути Бурмистров позвонил Семёну Ильичу. Прокурор согласился с необходимостью пересмотреть меру пресечения. Предстояло судебное заседание.

В сторожке Егор в это время красил старую скамейку. Услышав новость, он предложил покрасить и вторую, чтобы Презумпции Невиновности было где сидеть после освобождения.

— Решения ещё нет, — напомнил адвокат.

— Я же скамейку крашу, а не решение пишу. У меня предварительная подготовка законная.

Заседание назначили на следующее утро. Семён Ильич до позднего вечера разбирал материалы. Среди приложений к первоначальному ходатайству об аресте он обнаружил справку о том, что подзащитная якобы не имеет постоянного места жительства. В качестве подтверждения была приложена фотография закрытой двери её дома.

Адвокат вспомнил, что снимок сделан в день, когда она находилась на допросе.

На заседании он попросил прокурора пояснить это обстоятельство.

— Данный материал был представлен в совокупности с другими сведениями, — ответил тот.

— А если сфотографировать закрытую дверь прокуратуры в воскресенье, можно сделать вывод, что прокуроры не имеют постоянного места работы?

Судья сняла очки и попросила участников не отвлекаться. Однако справку отложила в сторону.

Бурмистров сообщил о новых обстоятельствах проверки и признал, что часть первоначальных доводов нуждается в дополнительном подтверждении. Прокурор не стал возражать против освобождения обвиняемой с возложением обязанности являться по вызовам.

Презумпция Невиновности выслушала решение спокойно. Лишь когда конвоир открыл дверцу, она спросила, можно ли забрать журнал с задачей про десять отличий. Конвоир разрешил.

У здания суда её ждал Егор. Он принёс букет астр, завёрнутый в газету, и торжественно вручил его освобождённой.

— С возвращением! Мы вам даже скамейку приготовили.

— Спасибо. А почему газета вчерашняя?

— Сегодняшняя пишет, что вас ещё не выпустили. Не хотелось портить праздник.

Семён Ильич предложил сначала заехать домой. Но Презумпция Невиновности попросила отвезти её к Павлу Андреевичу. Ей хотелось познакомиться с человеком, которому пришлось доказывать, что он жив.

В квартире инженера пахло жареным луком. Его жена поставила на стол четыре чашки и рассказала, что утром ей звонили из управления социальной поддержки. Незнакомый мужчина интересовался, сохранилось ли письмо с предложением выплаты.

— Я сказала, что муж отдал его адвокату. Он сразу попрощался.

— Номер сохранился? — спросил Семён Ильич.

Женщина принесла телефон. Адвокат записал номер с её разрешения. Он уже видел его раньше: тот стоял в объявлении о бесплатных консультациях по оформлению компенсаций, которое висело возле учебного центра.

Павел Андреевич подвинул к гостям тарелку с пирогом.

— Вы сначала поешьте. А то у нас в семье уже одного человека похоронили без обеда. Второго я не допущу.

Презумпция Невиновности засмеялась. Семён Ильич впервые за много дней увидел, как она смеётся не над материалами собственного дела.

Пирог оказался с капустой. Павел Андреевич разрезал его на восемь частей и, прежде чем сесть, выключил телефон.

— Не могу больше, — объяснил он. — Вчера звонили из банка, сегодня из управления. Все хотят удостовериться в моей личности. Жена тридцать семь лет со мной живёт, и то у неё иногда возникают сомнения, но она хотя бы не требует прислать фотографию с паспортом.

Презумпция Невиновности спросила, когда начались звонки. Жена инженера принесла настольный календарь. На обороте январского листка она записывала номера телефонов,

суммы и имена собеседников. Рядом с одним номером стояло: «Говорит очень вежливо. Не верить».

— Почему такая пометка? — поинтересовался Егор.

— Потому что остальные хотя бы не притворялись, будто желают нам добра.

Семён Ильич попросил разрешения сфотографировать записи. В календаре обнаружилась важная подробность: первое предложение о компенсации поступило за два дня до того, как инженер узнал о собственной смерти.

— Они могли знать заранее? — спросила хозяйка.

— Именно это и предстоит выяснить.

Уходя, адвокат договорился, что супруги передадут следователю сохранившиеся сообщения. Егор получил два куска пирога в дорогу и нёс их с осторожностью, которой обычно не проявлял даже при переноске памятников.

На следующий день Бурмистров вызвал сотрудницу управления, вернувшуюся из отпуска. Звали её Лидия Аркадьевна. Она принесла справку из гостиницы, билеты и пакет сушёных яблок, купленных у местных жителей.

— Яблоки к делу не относятся, — предупредила она. — Это вам к чаю.

— Спасибо. А рабочий компьютер перед отъездом вы выключили?

— Конечно. У нас экономия электроэнергии. В прошлом месяце даже приказ выпустили: выключать свет в помещениях, где отсутствуют сотрудники. Правда, приказ напечатали в сорока экземплярах, хотя сотрудников у нас двадцать три.

Она рассказала, что за неделю до отпуска в управлении появились представители подрядной организации. Они устанавливали программу сверки сведений о получателях социальной помощи. Сотрудникам велели не мешать специалистам и предоставить доступ к рабочим местам в присутствии системного администратора.

— Название организации помните?

Лидия Аркадьевна достала телефон. В рабочей переписке сохранилось распоряжение начальства. Подрядчик назывался «Городские информационные решения».

Бурмистров записал название. Оно ему ничего не говорило. Зато приложенный к распоряжению список специалистов оказался интереснее: в нём значился преподаватель учебного центра, знакомый Егору по курсам.

— Он у вас что-нибудь устанавливал лично?

— Не знаю. Видела его в коридоре. Он всё время искал кабинет начальника. У нас там табличка висит, но люди, которые приходят по важным вопросам, почему-то предпочитают спрашивать дорогу у уборщицы.

Следователь уточнил даты визитов и попросил представить служебную переписку официально. Лидия Аркадьевна согласилась, однако перед уходом задержалась у двери.

— Скажите, меня теперь уволят?

— За что?

— За то, что я рассказала, как у нас выполняли распоряжение начальства.

Бурмистров не стал давать обещаний, которых не мог исполнить. Он объяснил, куда обращаться в случае давления, и попросил немедленно сообщить ему о любых попытках заставить её изменить показания.

Тем временем на кладбище произошёл небольшой хозяйственный переворот. Егор решил отремонтировать калитку, которая при каждом открывании издавала звук, напоминавший протест прокурора. Он снял её с петель, положил на козлы и обнаружил, что нижняя доска окончательно сгнила.

Презумпция Невиновности сидела рядом с корзиной яблок и читала газету. На третьей полосе была опубликована заметка о её освобождении. Автор заметки выразил надежду, что решение суда не помешает дальнейшей борьбе с правонарушениями.

— Вот ведь любопытно, — сказала она. — Когда меня арестовали, написали, что это укрепит законность. Когда выпустили, выразили надежду, что законность не пострадает. Никак не определятся, полезна я или вредна.

— Вы им письмо напишите, — предложил Егор. — Пусть напечатают обе статьи рядом. Сэкономят на разделе юмора.

К полудню приехал Семён Ильич. Он привёз выписку из реестра юридических лиц и попросил освободить стол. Егор смахнул опилки на пол, за что получил замечание от Презумпции Невиновности и отправился за веником.

Учредителем подрядной организации оказалось общество, зарегистрированное по тому же адресу, что и один из кредиторов, фигурировавших в материалах расследования. Само по себе совпадение адресов ничего не доказывало. В здании могло находиться несколько десятков компаний. Семён Ильич решил посмотреть, что это за здание.

Оно оказалось бывшим домом быта. На первом этаже работали ателье и мастерская по ремонту телефонов. На втором размещались небольшие конторы. Возле лестницы висела доска с названиями арендаторов, причём половина табличек была приклеена поверх старых.

Егор прочитал объявление у входа:

— «Юридический адрес. Почтовое обслуживание. Представительские услуги». А люди здесь вообще бывают?

— Сейчас узнаем.

Администратор здания, молодая женщина в очках с красной оправой, объяснила, что некоторые фирмы арендуют только почтовые ящики. Сведения о клиентах она без законного основания выдавать отказалась.

— Правильно, — одобрил Семён Ильич. — Мы не просим нарушать договор. Нас интересует, куда направить официальное обращение.

Женщина указала на ящик с номером кабинета управляющего. Егор заметил, что на соседней двери висит объявление о продаже офисной мебели. Из кабинета двое грузчиков выносили металлический шкаф.

— Переезжаете? — спросил он.

— Освобождаем помещение, — ответил один. — Заказчик велел всё вывезти до вечера.

Из открытого шкафа выпал пластиковый лоток. Грузчик поднял его и поставил обратно. На лотке сохранилась наклейка: «Городские информационные решения».

Семён Ильич отошёл к окну и позвонил Бурмистрову. Он сообщил только то, что видел собственными глазами, назвал адрес и номер кабинета. Следователь попросил не вмешиваться в работу грузчиков.

На улице Егор оглянулся на фургон.

— Может, они просто мебель продают?

— Может.

— А если документы вывозят?

— Тогда следователь разберётся. Мы не имеем права устраивать обыск по объявлению о продаже шкафа.

Егор вздохнул. Ему явно хотелось принять участие в погоне, но вместо этого пришлось записать номер машины и отправиться домой.

Бурмистров прибыл в дом быта после того, как получил необходимые процессуальные основания для осмотра помещения. Управляющий предъявил договор аренды и акт её прекращения. Выяснилось, что организация отказалась от кабинета ещё месяц назад, однако оставила в нём мебель и несколько коробок до окончания оплаченного срока хранения.

В акте приёма помещения имелась подпись представителя арендатора. Следователь сравнил фамилию с перечнем сотрудников подрядчика. Совпадения не было.

Управляющий пояснил, что представитель приходил с доверенностью, копия которой сохранилась в бухгалтерии. Когда документ принесли, Бурмистров долго рассматривал дату выдачи.

Доверенность была оформлена на следующий день после ареста Презумпции Невиновности. А подписал её человек, который, согласно уже полученным материалам дела, в тот день находился под стражей по совершенно другому обвинению.

Следователь попросил копию журнала посещений. Теперь ему предстояло установить, кто именно явился в дом быта с этой доверенностью.

Журнал посещений управляющий принёс вместе с охранником. Охранник был пожилой, с аккуратно подстриженными усами и слуховым аппаратом, который он выключал во время разговоров с начальством.

— Вот, — сказал управляющий. — У нас всё под контролем.

Бурмистров раскрыл журнал. В графе «Цель посещения» напротив фамилии представителя стояло: «По делу».

— А документ, удостоверяющий личность, проверяли?

— Конечно, — ответил охранник.

— Номер записали?

— Нет. Нам запретили собирать лишние персональные данные. Раньше мы записывали всё, даже цвет машины. Потом приехал специалист и объяснил, что человек имеет право на частную жизнь. С тех пор у нас частная жизнь процветает, а машины иногда исчезают.

Фамилию посетителя охранник помнил плохо, зато вспомнил, что тот приехал на такси и долго спорил с водителем из-за сдачи. Камера над входом захватывала часть тротуара. Управляющий согласился предоставить сохранившуюся запись в установленном порядке.

Вечером Бурмистров получил подтверждение из учреждения, где содержался человек, выдавший доверенность. В день её оформления тот действительно не покидал территорию учреждения. Однако следователь запросил и сведения о посещениях: само пребывание под стражей ещё не исключало возможности подписать документ.

На кладбище тем временем явился Николай Степанович. На этот раз он пришёл без сапог, зато с судебным определением. Приказ о взыскании с него задолженности отменили.

— Значит, я больше ничего не должен?

— По этому приказу взыскивать уже нельзя, — объяснил Семён Ильич. — Но кредитор вправе обратиться с иском. Тогда ему придётся доказывать, что вы действительно получили деньги.

— А раньше что он доказывал?

— Что у него есть бумага.

Сапожник подумал и достал из кармана квитанцию за ремонт холодильника.

— Вот бумага. Холодильник, правда, всё равно не работает. Может, мне тоже в суд обратиться, чтобы признали его исправным?

Егор предложил сначала вызвать другого мастера. Николай Степанович согласился и попросил помочь с возвратом денег, удержанных со счёта. Семён Ильич составил заявление и объяснил, какие документы потребуется приложить.

Презумпция Невиновности проводила гостя до калитки. Вернувшись, она застала адвоката за изучением копии муниципального договора с подрядчиком. Документ был опубликован на портале закупок вместе с техническим заданием.

— Послушайте, — сказал Семён Ильич. — Заказчик предусмотрел оплату за выявление расхождений в реестрах. Чем больше расхождений обнаружено, тем больше объём оплачиваемых работ.

— А если расхождений нет?

— Тогда подрядчику остаётся довольствоваться основной суммой договора.

Егор, ремонтировавший табурет, поднял голову.

— Это как если бы мне платили за каждую найденную на кладбище яму. Я бы лопату из рук не выпускал.

В приложении к договору имелась форма отчёта. Среди прочего подрядчик должен был указывать источник сведений, дату обнаружения ошибки и результат её устранения. Семён Ильич направил Бурмистрову ссылку на опубликованные документы.

Утром следователь позвонил сам. Запись с камеры позволила установить автомобиль такси, а затем и сведения о поездке. Заказ был сделан через корпоративный аккаунт. Плательщиком значился учебный центр.

— Вот теперь интересно, — сказал Семён Ильич. — Кто пользовался аккаунтом?

— Выясняем. У них поездки заказывают для преподавателей, приглашённых лекторов и слушателей. Пока круг широкий.

— А лицо посетителя?

— Видно не очень хорошо. Зато есть водитель. Его пригласили на допрос.

Водитель оказался разговорчивым человеком. Он помнил пассажира именно из-за сдачи. Поездка была оплачена безналично, но пассажир потребовал вернуть ему деньги за ожидание машины, утверждая, что водитель приехал раньше назначенного времени и тем самым лишил его возможности опоздать бесплатно.

— Я ему сказал: жалуйтесь в службу поддержки. Он ответил, что сам занимается поддержкой населения. Я тогда решил, что населению не повезло.

Водитель назвал место посадки: боковой вход в здание городского управления. Он также сообщил, что пассажир оставил на заднем сиденье папку, за которой вернулся через несколько минут. На папке был наклеен пропуск посетителя.

Бурмистров запросил сведения о выданных в тот день пропусках. Список оказался небольшим. В нём нашлось имя человека, прежде не фигурировавшего в деле: Артём Витальевич Лунёв, консультант по оценке эффективности муниципальных программ.

Семён Ильич знал эту фамилию. Несколько лет назад Лунёв выступал на городском собрании с докладом о сокращении числа жалоб граждан. Предложенная им методика заключалась в том, чтобы учитывать только обращения, признанные обоснованными. После её внедрения число жалоб уменьшилось втрое, хотя очередь в приёмную стала вдвое длиннее.

— Он юрист? — спросил Егор.

— Экономист.

— А почему тогда решает, какие жалобы обоснованные?

— Потому что ему поручили улучшить показатели.

В тот же день в редакцию городской газеты поступило письмо от имени нескольких общественных организаций. Авторы требовали прекратить распространение сведений, способных подорвать доверие к муниципальным программам. Редактор позвонил Семёну Ильичу и попросил прокомментировать письмо.

— А организации действительно его подписали?

— Сейчас проверяем. Одна из них уже ответила, что впервые слышит об этой инициативе.

— Тогда у вас, кажется, есть тема для следующего номера.

Редактор помолчал.

— Есть. Только рекламный отдел просит сначала выяснить, кто оплатил нам специальный выпуск о достижениях города.

Семён Ильич положил трубку. Презумпция Невиновности, сидевшая у окна, отложила газету.

— Вы думаете, Лунёв имеет отношение к моему аресту?

— Пока я думаю, что его стоит расспросить о поездке и доверенности. Всё остальное придётся доказывать.

Она кивнула и вернулась к чтению. Егор принёс почту. Среди конвертов обнаружилось приглашение на открытое заседание комиссии по оценке эффективности муниципальных программ. Заседание назначили на пятницу. В повестке стоял вопрос о досрочном завершении проекта сверки реестров.

Докладчиком был Лунёв.

— Пойдём? — спросил Егор.

— Пойдём, — ответила Презумпция Невиновности. — Мне хочется услышать, сколько пользы принесла городу моя смерть, которую они, кажется, ещё не успели оформить.

В пятницу у входа в зал заседаний Егору вручили анкету для оценки качества мероприятия. Он хотел заполнить её после доклада, но девушка за регистрационным столом попросила не откладывать.

— Потом все разбегаются, а нам ещё результаты обрабатывать.

— Так я же не знаю, понравится мне или нет.

— Поставьте пока четвёрку. Если понравится, исправите на пять.

Егор положил анкету в карман и пообещал вернуть её при выходе.

В зале пахло свежей краской. На первом ряду стояли бутылки воды, на втором сидели представители общественности, а на третьем разместились сотрудники учреждений, которым предстояло объяснять успехи первого ряда.

Лунёв оказался невысоким мужчиной с аккуратной бородкой. Он говорил негромко, и председатель комиссии дважды просил его придвинуть микрофон. На экране появились разноцветные столбики.

— За отчётный период мы выявили существенный объём недостоверных сведений, препятствовавших своевременному оказанию услуг населению.

Презумпция Невиновности достала блокнот.

— В результате проекта, — продолжал Лунёв, — удалось значительно повысить достоверность информации о получателях социальных выплат.

На экране возникло число: триста восемьдесят семь.

Председатель одобрительно закивал. Сидевшая рядом с ним женщина спросила, можно ли округлить число до четырёхсот для выступления перед депутатами.

— В устном выступлении допустимо сказать «около четырёхсот», — ответил Лунёв.

— А в письменном?

— Лучше оставить точное число.

Женщина с сожалением зачеркнула что-то в своей тетради.

Когда дошло до вопросов, Семён Ильич поднял руку.

— Скажите, пожалуйста, среди этих трёхсот восьмидесяти семи случаев есть ошибочные сведения о смерти получателей пенсии?

— Разумеется. Это одна из категорий расхождений.

— Вы выявляли такие сведения или передавали их в государственные учреждения?

Лунёв отпил воды.

— Мы осуществляли информационное сопровождение. Решения принимались уполномоченными органами.

— Тогда покажите, откуда поступили первоначальные сведения хотя бы по одному случаю.

Председатель вмешался:

— Мы не можем публично обсуждать персональные данные.

— И не нужно. Достаточно назвать источник без фамилии гражданина.

В дальнем конце стола подняла голову сотрудница управления социальной поддержки. До этого она старательно записывала каждое слово докладчика.

— По части случаев сведения поступили от подрядчика, — сказала она.

Лунёв повернулся к ней.

— Речь шла о предварительных списках для проверки.

— Но в сопроводительном письме было указано, что проверка уже проведена.

Председатель снял очки и принялся протирать их салфеткой. Семён Ильич попросил внести оба ответа в протокол.

Егор наклонился к Презумпции Невиновности:

— У них, похоже, проверка прошла раньше сведений. Удобно. Я так весной могу отчитаться об урожае картошки, пока её не посадил.

Сотрудница управления открыла ноутбук. Лунёв предложил обсудить технические подробности в рабочем порядке, однако председатель уже заинтересовался письмом. Ему предстояло подписывать акт о завершении проекта, и перспектива оказаться последним человеком, поставившим подпись под сомнительными результатами, заметно испортила настроение.

— Покажите мне документ после заседания, — распорядился он.

Презумпция Невиновности попросила слова.

— Кто проверяет результаты работы подрядчика?

— Заказчик, — ответил председатель.

— На основании каких документов?

— Отчётов подрядчика.

— А независимая проверка предусмотрена?

Председатель посмотрел на Лунёва. Тот принялся листать техническое задание.

Из второго ряда раздался голос:

— Я могу независимо проверить. Мне в прошлом месяце пособие отменили.

Говорившая женщина представилась Валентиной Петровной, бывшим библиотекарем. Она принесла уведомление, из которого следовало, что она больше не проживает по месту регистрации. В действительности Валентина Петровна не покидала своей квартиры даже на время ремонта водопровода.

— Мне сказали, что сведения уточнены. Я спросила, куда переехала. Они ответили, что такой информации у них нет. Теперь я каждый вечер прихожу домой и не знаю, имею ли на это право.

В зале засмеялись. Председатель попросил передать уведомление секретарю. Валентина Петровна согласилась предоставить копию, но оригинал оставила у себя: в библиотеке она проработала тридцать два года и прекрасно знала, как исчезают документы, выданные без расписки.

Заседание завершилось без утверждения итогового отчёта. Комиссия решила запросить первичные материалы и отложить рассмотрение вопроса.

У выхода Лунёв догнал Семёна Ильича.

— Вы ведь понимаете, что при больших объёмах информации отдельные ошибки неизбежны?

— Конечно. Меня интересует, почему за их обнаружение платили людям, которые могли сами их создавать.

— Это серьёзное обвинение.

— Это вопрос. Ответ на него ещё предстоит получить.

Лунёв поправил ремень портфеля и ушёл, не попрощавшись.

Егор вернул девушке анкету. В графе «Достигнута ли цель мероприятия?» он поставил прочерк.

— А что мне с этим делать? — спросила она.

— Подождите, пока они выяснят, какая была цель.

На улице Семён Ильич позвонил Бурмистрову и рассказал о заседании. Следователь попросил прислать сведения о письме и контактные данные Валентины Петровны, если она согласится дать показания.

Тем временем секретарь комиссии вышла из здания и окликнула Презумпцию Невиновности.

— Вы оставили блокнот.

— Спасибо. А когда можно будет получить протокол?

— Через несколько дней. Только вы имейте в виду: у нас ещё согласовывают формулировки.

— С участниками заседания?

— Нет, с теми, о ком говорили.

Секретарь оглянулась на двери и добавила уже тише:

— Попросите сохранить запись. Сегодня впервые за полгода включили микрофоны для всех присутствующих.

На следующее утро Егор обнаружил на сайте муниципалитета сообщение о вчерашнем заседании. Прочитал его дважды, затем принёс телефон Семёну Ильичу.

— Вы вчера там были?

— Вместе с тобой.

— Тогда объясните, почему мы пропустили единодушное одобрение проекта.

В сообщении действительно говорилось, что участники высоко оценили результаты работы подрядчика. О переносе голосования не было ни слова. Зато фотография председателя получилась превосходная: он улыбался. Егор помнил этот момент. Председателю как раз сообщили, что в буфете остались пирожки с мясом.

Семён Ильич позвонил секретарю комиссии. Она ответила не сразу.

— Протокол ещё не подписан. Я подготовила проект, но мне вернули его с замечаниями.

— Существенными?

— Предложили заменить слово «отложить» на «продолжить». И убрать выступление Валентины Петровны. Она, оказывается, не участник проекта.

— Она участник его последствий.

Секретарь вздохнула. Семён Ильич подготовил письменное обращение с просьбой сохранить запись и предоставить копию протокола. Через полчаса Егор отправился с этим обращением в муниципалитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.